

А Н . М И

ОН ЗАБРАЛ ЕЁ СВОБОДУ,
НО ОСТАВИЛ СЕБЕ НАВСЕГДА

БЕЗ ПРАВА

Выбора

18+

Ан Ми

Без права выбора

«Автор»

2026

Ми А.

Без права выбора / А. Ми — «Автор», 2026

Бьянка была уверена, что сама выберет, кого любить и за кого выходить замуж. Пока отец не сообщил, что её мужем станет Данте Моретти. Опасный, властный и привыкший получать всё, чего хочет, Данте не собирается её отпускать, а Бьянка обещает себе, что никогда его не полюбит.

© Ми А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	37
Глава 4	58
Глава 5	69
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ан Ми

Без права выбора

Глава 1

Данте Моретти стоял у окна кабинета и смотрел во двор. Холодный, ледяной взгляд серых глаз скользил по аккуратным газонам и оливковым деревьям, но не замечал ничего. Он взъерошил темные волосы и провел рукой по острому, словно выточенному из камня подбородку, его мысли были далеко.

Канал поставок из Марокко снова заблокирован. Таможня в Палермо взяла паузу: кто-то не доплатил, кого-то не предупредил. Три партии необработанных камней зависли в порту, а вместе с ними и оружие, которое шло тем же маршрутом. Наркотиками Моретти принципиально не занимались. Нужно встретиться с капитанами в четверг, пересмотреть маршруты через Калабрию. Кто-то сдал координаты. Возможно, свои.

Данте прокручивал в голове схемы, варианты, риски. Каждое решение нужно было просчитать на три хода вперед. Кто выиграет. Кто предаст. Кто заплатит.

Его массивная спина почти полностью закрывала собой оконный проём.

Рубашка сидела на нём безупречно, подчёркивала массивную фигуру. Никаких украшений, никаких колец, никаких татуировок на шее или кистях — он презирал эту мафиозную пошлость. Только гладкий платиновый «Патек Филипп» на левом запястье.

Ему было двадцать восемь. В его возрасте отец уже командовал тремя семьями на западе острова, Данте пока командовал портами, маршрутами, оружейными потоками, но все знали: пройдет ещё пара лет, и Витторио Моретти отойдёт в тень, а его место займёт старший сын.

— Данте.

Голос отца вернул его в реальность.

Витторио Моретти зашел в кабинет. Он выглядел намного моложе своего возраста, был таким же высоким, как его сыновья, с острыми чертами лица и мощной фигурой. Он вошёл, слегка прихрамывая и опираясь на трость, которую ненавидел. Хромота осталась после перестрелки, изменившей жизнь их семьи навсегда, пуля задела бедренную артерию, ногу удалось спасти, но полностью восстановиться Витторио так и не смог.

— Садись.

Данте сел в кресло напротив и начал говорить, не дожидаясь вопросов:

— Канал из Марокко встал. Таможня в Палермо заблокировала три контейнера под предлогом проверки. Я отправил Руджеро разобраться, но он молчит уже шесть часов. Это не просто задержка, кто-то сдал координаты.

— Сын, послушай. Ты еще успеешь рассказать мне о делах.

Данте посмотрел на него ледяными глазами.

— Тебе двадцать восемь, — сказал Витторио без предисловий. — Ты знаешь, что клану нужны наследники.

— Я знаю, отец.

— Дела идут очень хорошо. — Витторио потёр перстень. — Порты, оружие, камни, строительство. С каждым годом у нас всё больше людей и территорий. Однажды всё это нужно будет кому-то передать.

— У тебя есть я и Матео.

— Матео — мальчишка. — Голос отца стал жестче. — Я не хочу, чтобы он нёс этот груз раньше времени. Ему восемнадцать, а ты... ты уже мужчина.

Данте ненавидел эту тему. Брак его не интересовал. Женщин в его жизни всегда было достаточно, и ни одна не задерживалась надолго. Красивые, разные, всегда доступные, они появлялись тогда, когда были ему нужны, и исчезали, не оставляя после себя ничего. Данте это полностью устраивало, он не искал близости, не нуждался в постоянстве.

Брак для него означал совсем другое. Жена, дети, семья, к которой неизбежно привязываешься и которая становится твоей уязвимостью. Данте слишком хорошо знал, что значит иметь людей, которых боишься потерять, поэтому добровольно делать себя уязвимым не собирался. Он прекрасно понимал, что женитьба неизбежна. Он был старшим сыном Моретти и будущим главой семьи, а значит, однажды должен был жениться и продолжить род, Данте никогда не собирался отказываться от своего долга. Он просто не видел причин делать это раньше, чем станет действительно необходимо.

Поэтому последние несколько лет он оттягивал этот момент. Каждый раз, когда Витторио заводил разговор о женитьбе, Данте находил новую причину подождать и снова уходил в работу, где всё было гораздо проще: там существовали правила, расчёт и контроль. Витторио давил все сильнее и все чаще.

— Ты слышишь? Данте? — голос отца выбил его из мыслей.

Тут дверь открылась.

— Простите, что без стука, — в кабинет влетел Матео.

Младший брат был полной противоположностью Данте. Кудрявый, с живыми карими глазами, как у матери, и вечной улыбкой на губах. Весь в мать — так говорил отец, тот же свет, та же теплота.

— Что за сбор? — Матео перевел взгляд с отца на брата. — Опять говорите о наследниках? Я слышал из коридора.

— Уши есть, мозгов нет, — буркнул Витторио, но без злости.

Данте хотел продолжить говорить о делах, доложить отцу, но Матео перебил его :

— Данте, может, я возьму часть дел на себя? Ты вечно в разъездах. Я могу следить за портами мне уже восемнадцать.

Данте повернулся к нему. Холодные серые глаза встретились с его карими.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу подвергать тебя опасности. Я старше, значит, и риска на мне больше. Когда придёт твоё время, возьмёшь часть дел на себя. Не раньше. Ты ещё не готов, Матео.

Витторио согласно кивнул.

Матео закатил глаза, но спорить не стал. Он давно знал: если Данте сказал «нет», переубедить его практически невозможно.

— Ладно, — вздохнул он. — Пойду собираться. Выезжаем через полчаса?

— Через полчаса, — подтвердил Витторио.

Матео уже направился к двери, но на полпути обернулся.

— Знаешь, брат, тебе бы улыбаться иногда. А то девушки пугаются.

— Мне нужно, чтобы они пугались.

Он усмехнулся и вышел из кабинета.

Витторио ещё несколько секунд смотрел на закрывшуюся за ним дверь.

— Он так сильно на неё похож.

Данте промолчал. Витторио шумно выдохнул и опустил взгляд на трость, лежавшую поперёк его коленей. На несколько мгновений в кабинете стало совсем тихо, о матери они почти не говорили. Даже спустя десять лет её отсутствие оставалось тем, к чему никто из них так и не привык.

Первым молчание нарушил Витторио.

— Сегодня мы отмечаем соглашение с Беллини. Ты знаешь, насколько оно для нас важно.

— Я знаю условия. Я их готовил.

— Тогда знаешь и то, что одного соглашения мне недостаточно.

Данте посмотрел на отца.

— У Антонио Беллини три дочери. Все молодые, незамужние. Брак с одной из них превратил бы деловое соглашение в настоящий союз двух семей.

Данте ничего не ответил, и Витторио продолжил:

— Беллини не ровня нам по влиянию, но они контролируют несколько портов на северном побережье и имеют связи, которых нет у нас. Через их территории проходят маршруты, которые мы давно хотим взять под контроль. Нам выгодно иметь их рядом, а не однажды обнаружить на стороне конкурентов. Сегодня мы подписываем бумаги, но ты прекрасно знаешь цену бумаг. Их можно разорвать, условия можно пересмотреть, а родство разорвать гораздо сложнее.

Он немного помолчал.

— И Антонио это понимает не хуже меня. Для Беллини союз с Моретти ещё выгоднее, они уже не первый раз дают понять, что хотели бы породниться с нашей семьёй.

Данте откинулся на спинку кресла. Теперь он окончательно понял, к чему отец вёл весь этот разговор. И, как бы ему ни хотелось это признавать, Витторио был прав. Беллини не были самой влиятельной семьёй Сицилии, но их положение, порты и связи делали этот союз слишком выгодным, чтобы просто от него отказаться.

— Значит, сегодняшний ужин не только ради соглашения.

— Ради соглашения, — спокойно ответил Витторио. — Просто я предлагаю тебе посмотреть немного дальше.

Данте усмехнулся без особого веселья.

— Ты уже и жену мне выбрал?

— Нет. Выбирать будешь ты, я лишь предлагаю посмотреть на дочерей Беллини, а не женится.

Витторио выдержал небольшую паузу.

— Мы с твоей матерью тоже вступили в договорной брак. Ты знаешь как мы были счастливы.

Данте перевёл взгляд на отца. Вот теперь спорить было сложнее.

— Ты знаешь, что рано или поздно это всё равно придётся сделать, — тихо добавил Витторио.

— Знаю.

Данте несколько секунд молчал, а затем коротко кивнул.

— Хорошо. Я посмотрю на них.

В этот момент дверь кабинета открылась, и на пороге появился Матео, уже переодевшийся в серый костюм, Витторио перевёл взгляд на младшего сына.

— Матео, может, ты раньше брата порадуешь меня наследниками? Тоже присмотришься к дочерям Беллини.

Матео рассмеялся.

— Отец, мне восемнадцать.

— В твоём возрасте я уже нянчил Данте.

— В твоём возрасте были другие времена.

Витторио усмехнулся и поднялся из кресла, опираясь на трость. Данте каждый раз было неприятно это видеть. Когда-то отец выходил на ринг и отправлял соперников в нокаут, а теперь не мог нормально ходить без опоры.

— Беллини не повезло, — произнёс Витторио, посмотрев на сыновей. — У Антонио три дочери, а мне Господь дал двух сыновей, которые однажды продолжат род Моретти. Я горжусь вами, а теперь едем.

Вилла Беллини располагалась на холме с видом на море. Старинное поместье утопало в оливковых рощах и кипарисах, а за ними до самого горизонта тянулась тёмно-синяя полоса Средиземного моря. Четыре чёрных «Мерседеса» Моретти остановились перед массивными дубовыми дверями.

Беллини заметно уступали Моретти по влиянию и возможностям, однако связи Антонио позволяли решать вопросы там, где даже фамилия Моретти не всегда открывала нужные двери. Для Данте этого было достаточно, чтобы понимать интерес отца к союзу, Моретти получали удобного и предсказуемого партнёра, Беллини же родство с одной из самых влиятельных семей Сицилии поднимало на совершенно другой уровень.

Поэтому встречали их соответственно.

Антонио Беллини ждал гостей на пороге, он тепло поприветствовал Витторио, пожал руку Данте, затем Матео. Рядом с ним стояла синьора Беллини, стройная женщина с темными волосами и острыми чертами лица, а чуть позади родителей стояли две дочери.

Первой Данте заметил Элену. Ей было восемнадцать. Тёмные волосы чуть ниже плеч, карие глаза, пухлые губы, большая грудь, хорошие формы. Красивая, но совершенно обычная, подумал Данте, когда она протянула ему руку. Он вежливо поприветствовал её, а Элена улыбнулась и задержала на нём взгляд, слегка закусив нижнюю губу. Намёк был настолько очевид-

ным, что Данте заметил его сразу, но никакой особой реакции это не вызвало, он слишком привык к женскому вниманию.

Франческа было девятнадцать. Она оказалась чуть ниже сестры, стройной, с тёмными, почти чёрными глазами и коротко остриженными волосами.

— Очень приятно познакомиться, синьор Моретти, — произнесла она с загадочной улыбкой.

Данте лишь кивнул.

Короткие волосы ему не нравились, настолько, что ещё до того, как Франческа закончила фразу, он уже представил её своей женой и не испытал ничего, кроме раздражения. Данте любил длинные женские волосы, любил наматывать их на кулак, когда трахал, держать, тянуть, чувствовать, как женщина выгибается под ним, а с Франческой это было бы невозможно.

Ужин затянулся. Стол ломился от еды, одно блюдо сменяло другое, вино постоянно доливали в бокалы, Антонио почти без остановки говорил о делах, поставках и новом соглашении, Витторио слушал, кивал, изредка вставляя короткие замечания. Постепенно разговор перешёл к логистике: какие порты будут использовать Моретти, какой процент получают Беллини за транзит через принадлежащие им отели и как изменятся маршруты после заключения соглашения.

— Трапани — это ключ, — говорил Антонио. — Если мы объединим потоки через ваши маршруты и наши гостиницы на побережье, то закроем всю западную Сицилию. Никто не пройдёт без нашего ведома.

Витторио одобрительно кивнул.

Данте почти не участвовал в разговоре, хотя слушал внимательно. Цифры, проценты и условия он запоминал автоматически, мысленно уже перекраивая существующие маршруты. Отели Беллини давали им удобный коридор для транзита оружия и других грузов. Часть путей, которые раньше приходилось вести через Калабрию, теперь можно было сократить, а это экономило дни и большие деньги. Именно поэтому Беллини были им нужны.

Элена и Франческа сидели напротив и старались привлечь его внимание. Очень старались, Элена то и дело поправляла волосы, а когда тянулась через стол за вином, намеренно наклонялась ниже, открывая Данте вид на глубокое декольте. Франческа выбрала другую тактику и почти не замолкала.

— Я прекрасно готовлю, — щебетала Франческа, не сводя с Данте глаз. — Играю на фортепиано, знаю три языка, умею принимать гостей и вести дом. Мой муж будет ни в чем будет нуждаться.

Данте слушал её вполуха, взгляд снова задержался на коротких волосах. Нет, это перечёркивало всё, она могла обладать десятком достоинств, но Данте слишком любил длинные женские волосы, чтобы представить рядом с собой жену с такой стрижкой.

Элена, напротив, не пыталась изображать идеальную будущую супругу. Она откровенно рассматривала Данте и явно давала понять, чего хочет.

— По-моему, мужчине нужно немного другое, Франческа, — произнесла она, лениво вращая бокал. — Готовить может прислуга, а вот доставлять мужчине удовольствие должна его женщина.

Она посмотрела прямо на Данте.

Он впервые за вечер усмехнулся и слегка приподнял бокал в её сторону. По крайней мере, Элена была откровенна.

Антонио неловко кашлянул, а синьора Беллини бросила на дочь предупреждающий взгляд.

Через некоторое время Данте потянулся за пиджаком, оставленным на спинке соседнего стула. Обычно он почти не курил, иногда мог неделями не вспоминать о сигаретах, но пачка всегда лежала в кармане, и после затянувшегося ужина ему неожиданно захотелось выйти на воздух.

Элена поднялась практически одновременно с ним и будто случайно столкнулась с Данте, прижавшись пышной грудью к его руке. Он почувствовал её духи, тяжёлые, приторно-сладкие, и едва заметно поморщился.

Отвратительно.

— Ой, простите, синьор Моретти, — проворковала она, однако отстраняться не спешила.

Данте сам сделал шаг назад.

Элена была красивой, сексуальной и совершенно очевидно хотела его. В другой ситуации этого, возможно, оказалось бы достаточно на одну ночь, но сейчас её навязчивость начинала раздражать почти так же сильно, как эти чёртовы духи.

Вернувшись за стол Данте поймал взгляд отца. Витторио едва заметно кивнул в сторону девушек, словно без слов спрашивая его мнение, а затем повернулся к Антонио.

— У вас красивые дочери.

— Спасибо. — Антонио довольно улыбнулся. — Но у нас есть ещё старшая, Бьянка. Извините, что она сегодня не вышла к ужину. — Он промокнул губы салфеткой. — Плохо себя чувствует, но она очень хотела быть здесь.

— Ничего, — спокойно ответил Витторио. — Познакомимся в другой раз.

— Синьор Моретти, для меня большая честь принимать вас в этом доме. Моя семья и всё, что ей принадлежит, к вашим услугам.

Антонио поднял бокал, остальные последовали его примеру.

Данте давно привык к подобному отношению. Он почти не замечал, как Антонио старался угодить Витторио, как внимательно следил за его реакцией и ловил каждое слово. Фамилия Моретти открывала двери задолго до того, как Данте успевал к ним подойти. На западе Сицилии мало кто мог сравниться с их семьёй по влиянию, и Беллини это прекрасно понимали.

Телефон в кармане коротко завибрировал.
Данте достал его и посмотрел на экран.

Руджеро.
«Проблема на границе. Водителя задержали».

Чёрт.

Он быстро перечитал сообщение. Несколько минут промедления ничего не изменят, но обсуждать подобные вещи за столом Беллини Данте не собирался.

Он поднялся.

— Прошу меня извинить. Мне нужно выйти. Срочное дело.

Все Беллини встали, выказывая Данте свое почтение, даже Антонио приподнялся с места, хотя Данте уже отвернулся.

Он вышел на террасу и набрал Руджеро. Говорил недолго, сухо, отрывистыми фразами:

— Позвони начальнику таможни. Скажи, что я жду его звонка через десять минут. Если груз не выпустят, я приеду сам. И тогда проблемы будут уже не у нас.

Руджеро понял. Руджеро всегда понимал.

Данте убрал телефон и прошёл в сад, подальше от света, музыки и бесконечных улыбок. Достал сигарету, закурил. Сицилийская ночь была тёплой, в воздухе смешивались запахи жасмина и моря. Он медленно выдохнул дым и почувствовал, как впервые за весь вечер расслабились плечи.

В этот момент на втором этаже что-то привлекло его внимание.

Данте поднял голову и заметил движение у одного из окон. Он мгновенно насторожился, рука привычно потянулась к пистолету, который всегда был при нём, но уже через секунду понял, что опасности нет.

Из окна выбиралась девушка.

Тонкая фигура осторожно перекинула через подоконник одну ногу, затем вторую. Она двигалась ловко и уверенно, будто проделывала это далеко не в первый раз. Спустилась на карниз, перебралась на козырёк, сняла с плеч рюкзак и бросила его вниз.

Рюкзак упал прямо к ногам Данте.

Он опустил на него взгляд, затем снова посмотрел вверх. Девушка пока его не заметила.

Данте молча наблюдал за происходящим, сделал ещё одну затяжку и медленно выдохнул дым.

Она спрыгнула с козырька, легко приземлилась на землю, распрямилась и вдруг оказалась прямо перед ним.

Их глаза встретились.

Большие, тёмные, почти чёрные, но при свете из окон в них проступал глубокий зелёный оттенок. Густые каштановые волосы доходили до лопаток и немного растрепались, несколько прядей упали на лицо. Чуть пухлые губы, тёплая оливковая кожа, никакой косметики, никаких украшений. Простой кардиган и джинсы, подчёркивающие тонкую талию и округлые бёдра.

Она была красивой, хотя ничего необычного в её красоте, на первый взгляд, не было. И всё же Данте неожиданно поймал себя на том, что не может отвести взгляд. Было в ней что-то, что заставляло рассматривать её дольше, чем следовало.

Девушка, похоже, заметила это.

— Может, хватит на меня так пялиться? — спросила она с вызовом и сама оглядела его с головы до ног. — Ты вообще кто такой? И что делаешь здесь?

В голосе отчётливо слышался сицилийский акцент.

Данте не ответил. Только медленно выдохнул дым, продолжая внимательно её рассматривать.

Она прищурилась, ещё раз совершенно без смущения прошла по нему взглядом и вдруг усмехнулась, словно наконец поняла что-то забавное.

— А, кажется, поняла, — произнесла она, присаживаясь за рассыпавшимися из рюкзака вещами. — Ты тот самый из этой семьи... как её? Моретти. Тот самый, которому сегодня будут лизать ноги все, кто собрался в этом доме.

Данте не шелохнулся.

— Ты со всеми незнакомыми людьми так разговариваешь? — тихо спросил он.

— Как хочу, так и разговариваю.

Она поднялась и закинула рюкзак на плечо.

— Я не обязана тебе кланяться.

Её взгляд не дрогнул. В больших тёмных глазах был только откровенный вызов, и почему-то это не столько раздражало Данте, сколько заставляло продолжать смотреть.

— А ты та самая Бьянка, — произнёс он, затягиваясь. — Которая заболела.

Она скрестила руки на груди.

— Да, я та самая, которая не вышла к ужину, потому что ей очень-очень плохо. — Бьянка театрально развела руками. — Вот такая я плохая.

Данте едва заметно усмехнулся. С каждой минутой становилось всё интереснее.

— Почему ты не вышла? Это неуважение, как я вижу ты вполне здорова.

Бьянка посмотрела на него так, будто он только что сказал очередную глупость.

— Да потому что мне совершенно плевать, — сказала она. — Ты ведь приехал сюда выбирать себе жену, правильно?

Бьянка усмехнулась и покачала головой, словно сама мысль об этом казалась ей абсурдной.

— Ну конечно. Именно так это и должно происходить.

Она посмотрела ему прямо в глаза и добавила:

— Я не собираюсь участвовать в этом цирке и никогда никому не позволю решать, за кого мне выходить замуж.

Она медленно прошла по нему взглядом, снова подняла глаза к его лицу и чуть выше вскинула подбородок.

— И, судя по тому, что я вижу, я правильно сделала, что даже не спустилась к ужину. Ты совершенно не в моём вкусе.

Данте усмехнулся и слегка наклонил голову, рассматривая её ещё внимательнее. Взгляд задержался на глазах, затем скользнул к пухлым губам.

Это было почти забавно. Обычно женщины старались привлечь его внимание, а Бьянка делала всё наоборот и теперь совершенно спокойно сообщала ему в лицо, что он ей не нравится.

— Я приехал сюда по делам. — Данте сделал затяжку и медленно выдохнул дым. — Знаешь, Бьянка, — он нарочно протянул её имя, — ты слишком дерзкая и совершенно невоспитанная. Думаю, если я расскажу твоему отцу, как ты разговариваешь с его гостями, он будет не слишком доволен.

Бьянка посмотрела на него с искренним удивлением.

— Ты сейчас серьёзно? — Она рассмеялась. — Господи, взрослый мужчина угрожает пожаловаться моему отцу, потому что я говорю то, что ему не нравится. Это даже немного жалко.

Данте медленно прищурился.

— А насчёт воспитания, кстати, достаточно интересно, — продолжила она. — Выбирать себе женщину для совместной жизни, как телевизор в магазине, это, по-твоему, признак хорошего воспитания? Посмотрел, сравнил характеристики, выбрал подходящую и забрал домой.

Она окинула его насмешливым взглядом.

— Хотя, судя по тому, что ты считаешь всё это нормальным, самомнение у тебя явно намного выше интеллекта.

Данте снова затаился, не сводя с неё глаз.

— И, кстати, для твоего же блага советую привыкнуть к тому, что не все будут перед тобой пресмыкаться. Поверь, тебе это ещё пригодится в жизни.

Она продолжала говорить, а Данте продолжал её рассматривать. В ней не было ни капли той нарочитости, которую он весь вечер наблюдал за столом и кажется, ей вообще было всё равно, какое впечатление она на него производит.

— И твоя фамилия не даёт тебе права оценивать женщину как вещь. Как товар, ты это понимаешь?

Данте усмехнулся.

— Твои сёстры, кажется, совсем так не считают.

— А, сёстры. — Бьянка закатила глаза. — Да они же просто редкостные тупицы. Одна считает, что главное женское достижение — удачно выйти замуж и больше никогда в жизни не работать, а вторая уверена, что мужчина автоматически становится интересным, если у него достаточно денег и правильная фамилия.

Данте усмехнулся.

— Так что я совершенно не удивлена, что ты им понравился. Кажется, вы прекрасно совпали интеллектуально. — Она взглянула на него с насмешкой. — А у меня, как видишь, сегодня нашлось занятие поинтереснее. Я иду к своему парню.

Данте не понял, почему именно это слово ему не понравилось. Он видел Бьянку впервые в жизни, однако мысль о том, что она сейчас идёт к другому мужчине, неожиданно вызвала раздражение.

Он сделал шаг вперёд.

Бьянка не отступила. Только вскинула подбородок ещё выше, и в этот момент одна из пуговиц кардигана не выдержала натяжения и расстегнулась. Ткань слегка разошлась, открывая глубокий вырез и тёплую смуглую кожу.

Взгляд Данте невольно опустился.

Чем дольше Данте смотрел на неё, тем сильнее менялось первое впечатление. Ещё несколько минут назад Бьянка показалась ему просто красивой девушкой, каких он встречал немало, но теперь он уже не мог отвести от неё глаз. К интересу быстро примешалось вполне определённое физическое желание, да, она была чертовски привлекательна и, кажется, прекрасно это понимала.

Она заметила его взгляд, но даже не попыталась застегнуть кардиган. Вместо этого шагнула ближе, почти вплотную. Данте уловил её запах, лёгкий, свежий, едва ощутимый. Совсем не похожий на тяжёлые сладкие духи Элены.

Данте медленно перевёл взгляд с её декольте на глаза. Дерзкая, самоуверенная и совершенно точно понимающая, насколько сильно сейчас испытывает его выдержку.

— Я скажу твоему отцу, что ты убегаешь.

Бьянка усмехнулась.

— Можешь сказать ему, что я еду к своему парню, кстати, знаешь, что мы будем делать? Мы будем трахаться всю ночь. Про это тоже можешь сказать моему отцу.

На этот раз раздражение вспыхнуло мгновенно. Данте сжал челюсть.

Она приподняла подбородок, явно довольная произведённым эффектом, затем подошла ближе и почти по-дружески похлопала его по плечу.

— Я понимаю, что твоё самолюбие сейчас переживает не лучшие времена и у тебя, скорее всего, уже встал, но придётся смириться. Тебе ничего не светит.

Бьянка ещё секунду смотрела на него, наслаждаясь его реакцией, а затем развернулась и направилась к воротам.

Данте остался стоять в тени оливкового дерева, провожая её взглядом, пока она уверенно шла даже не думая оборачиваться. Она раздражала его почти так же сильно, как возбуждала, и Данте уже не мог понять, какого из этих чувств в нём больше.

Когда Бьянка скрылась за воротами, он сделал последнюю затяжку и медленно выдохнул дым. Одно Данте понимал совершенно точно: ему хотелось увидеть её снова.

Отец был у себя в кабинете, когда Данте постучал. Витторио сидел за дубовым столом, перед ним стоял бокал с янтарной жидкостью, на столе лежали бумаги. Он поднял голову и жестом показал Данте садиться.

— Садись, — сказал отец. — Что-то случилось?

Данте сел в кресло напротив. Выдержал паузу. Посмотрел отцу прямо в глаза.

— Я сделал выбор, — сказал он ровным, холодным голосом. — Я знаю, что это будет отличной сделкой.

Витторио отставил бокал. Внимательно посмотрел на сына.

— Говори.

— Я хочу жениться, — сказал Данте.

Отец откинулся на спинку кресла, а на его лице появилась довольная улыбка.

— Сын, это прекрасная новость. Я знал, что ты примешь правильное решение. Я же говорил, что они красивые. Которая из них? Елена или Франческа?

— Ни та, ни другая, — ответил Данте.

Витторио нахмурился.

— Тогда кто?

— Бьянка, — сказал Данте. — Я хочу жениться на его старшей дочери. Бьянке.

Отец посмотрел на него с недоумением.

— Бьянка? — переспросил он. — Ты же даже не видел её.

— Видел, отец, — спокойно ответил Данте. — И я хочу жениться на ней.

Витторио помолчал. Потом медленно кивнул.

— Я завтра же свяжусь с Антонио. Он будет счастлив, а старшая дочь даже лучше для союза.

— Хорошо, — Данте поднялся.

Он вышел из кабинета, закрыл за собой дверь и прошёл по коридору, не глядя по сторонам.

Бьянка. Имя осталось на губах. Он повторил его про себя, чувствуя, как внутри снова поднимается что-то томное и горячее. Перед глазами на мгновение возникла её насмешливая улыбка. Данте сжал челюсть, остановился посреди коридора и сделал глубокий вдох.

— Дерзкая Бьянка, — тихо произнёс он. — Посмотрим, надолго ли тебя хватит.

Данте достал телефон и набрал номер своего помощника.

— Бьянка Беллини, — сказал он в трубку. — Выясни всё, что с ней связано. Где учится, с кем встречается, куда ходит, я должен знать о ней всё.

Глава 2

— Бьянка.

Мать вошла в комнату без стука, как всегда. Бьянка сидела на кровати, поджав под себя ноги, и улыбалась в телефон. На экране переписка с Марко Рицци. Её Марко. Тот самый парень, о котором отец не хотел даже слышать, его клан был мелким, а отец называл их «крысами, которые роются в чужих отбросах». Бьянке было всё равно. Она печатала что-то быстрое, смешное, и её губы растягивались в довольной улыбке.

— Ты снова сбежала прошлой ночью, — голос матери был тихим, но в нём чувствовалась усталость.

Бьянка подняла голову. Улыбка исчезла.

— Мама, я люблю Марко, — сказала она твердо, не пряча телефон. — И ты знаешь, я буду с ним.

Мать подошла ближе, села на край кровати.

— Бьянка, отец был в ярости. Ты должна была поприветствовать гостей, особенно семью Моретти. Ты опозорила нас.

— Мне плевать на Моретти, — отрезала Бьянка, убирая телефон в карман джинсов. — И на их ужины.

— Ты пойдёшь к отцу. Сейчас. Он тебя ждет. — Мать замешкалась, теребя подол платья.

— Не пойду.

— Бьянка, пойдёшь, даже если придётся тащить тебя силой.

Бьянка сжала челюсть, но пустилась в гостиную. Отец сидел в кресле у камина, жестом показал, чтобы она села. Бьянка не села.

Она сразу заметила, что на его лице была улыбка. Это насторожило её. Отец знал, что ночью она снова не ночевала дома, знал и должен был кипеть от ярости, но он улыбался.

Это было странно. Потому что она знала правила: пока носит его фамилию, пока живёт под его крышей, она обязана беспрекословно слушаться отца. Таков закон. Она всегда нарушала этот закон и всегда за это платила, но не сегодня. Сегодня он был странно спокоен.

— У меня отличные новости, — сказал отец. — Вчера у нас была семья Моретти и ты знаешь, насколько они влиятельны.

Он встал и подошёл к ней ближе, отпив виски.

— Знаешь, союз с их семьёй и так огромная удача для нас, но то, что произошло сегодня, я даже не мог об этом мечтать.

Он положил ей руку на плечо.

— Тебе повезло, Бьянка.

Бьянка насторожилась.

— А при чём здесь я?

— Тебе очень повезло, — повторил он, не убирая руку. — Витторио Моретти связался со мной сегодня утром, Данте, его старший сын, хочет на тебе жениться.

У Бьянки округлились глаза.

— Что? Это шутка?

— Не шутка, это не шутка. Он выбрал тебя и я поздравляю тебя дочь.

— Что?! — закричала она. — Что?!

Её глаза расширились от ужаса. Кровь отхлынула от лица, она сделала шаг назад, ударились спиной о книжный шкаф, но не почувствовала боли.

— Нет. Я не согласна. Я не хочу! Ты слышишь? Я не хочу!

Отец посмотрел на неё стальным взглядом.

— Ты выйдешь за него, Бьянка.

— Я люблю Марко Рицци! — голос Бьянки сорвался на крик. — Ты не можешь так поступить. Пускай Франческа или Елена — пусть возьмут любую.

Отец встал и посмотрел на неё.

— Данте Моретти выбрал тебя, а я с радостью согласился на этот брак.

Он посмотрел на неё сверху вниз и холодно добавил:

— И помни, кто решает, пока ты живёшь в этом доме и носишь мою фамилию.

А этот... этот. — Он начал расхаживать по комнате, а затем усмехнулся с презрением.

— Марко Рицци. Этот клан — ничто. Ты хочешь быть частью семьи, которую презирают за предательство, за подлость? Это просто крысы. Рицци отбросы, которых терпят только потому, что возиться с ними не имеет смысла. Ты не понимаешь: брак с семьёй Моретти это удача, я даже подумать не мог, что он выберет нашу семью. Что он выберет тебя, да многие не смеют о таком мечтать.

Он посмотрел ей прямо в глаза и серьёзно сказал:

— И ты примешь это с благодарностью. Поняла? Ты часть моей семьи, поэтому ты должна делать так, как я скажу и ты знаешь это.

— Марко! Я буду только с Марко! — Бьянка сжала кулаки. — Я лучше умру, чем выйду за этого мудака.

— Этот брак скрепит наши семьи, — он ударил ладонью по столу. Голос отца стал ниже, опаснее. — Объединившись с Моретти, мы станем сильнейшими на западе, а ты, ты родишь наследников, тебе выпала честь, о которой другие могут только мечтать.

— Какая честь? Я не кусок мяса!

Отец подошёл к ней вплотную.

— Это не обсуждается, Бьянка. Свадьба будет через полгода. Я настоял, чтобы ты закончила университет.

Он взял её за подбородок и посмотрел в глаза.

— И ты будешь вести себя так, как положено. Слышишь меня? Ты не опозоришь меня.

— Нет!

Слёзы потекли по её щекам, но она не вытирала их.

— Я не выйду за него! Я ненавижу тебя!

Отец замахнулся и ударил её открытой ладонью по щеке чтобы она пришла в себя. Бьянка пошатнулась. Мать, стоявшая позади, вскрикнула.

— Успокойся, — сказал он уже тише. — Ты выйдешь за него.

Он посмотрел на неё и добавил:

— Если я ещё раз узнаю, что ты сделала что-то с этим... — он с презрением скривился.
— ...с Марко, я клянусь, я запру тебя и до свадьбы ты будешь только выезжать на учёбу с охраной, а теперь иди в свою комнату.

Отец взял со стола чашку с кофе и отвернулся к окну.

Бьянка сжала кулаки так, что ногти впились в ладони, развернулась и выбежала. Закрыв дверь своей комнаты, она достала телефон.

Мать зашла следом.

— Бьянка, дочка...

Она села рядом и обняла её за плечи.

Так было всегда. После каждой ссоры с отцом она приходила к ней, давала выплакаться, гладила по волосам и сидела рядом, пока боль не становилась чуть тише.

— Я знаю, что тебе сейчас тяжело, — тихо сказала она. — Знаю, что тебе страшно и я знаю, что ты злишься.

Бьянка ничего не ответила.

Мать провела рукой по её волосам.

— Но ты же знаешь, в каком мире мы живём. Такие решения редко принимают сердцем. Особенно в наших семьях, чаще всего браки становятся союзом двух семей, двух фамилий.

Она вздохнула.

— Тебе кажется, что это несправедливо и возможно, так и есть, но так было всегда. Очень редко бывает, что молодые люди выбирают друг друга сами, и при этом их семьям нужен один и тот же союз.

Она осторожно взяла дочь за руку.

— Сейчас ты этого не примешь, понимаю, но отец правда считает, что делает для тебя лучшее.

Мать погладила её по спине.

— Мы с твоим отцом тоже вступили в договорной брак, чтобы соединить семьи и ты знаешь что мы счастливы и я люблю его.

Она взяла лицо Бьянки в ладони.

— А Данте Моретти... ты видела, как он красив. Умён. Влиятелен. У тебя появятся дети, и ты будешь счастлива, поверь, сейчас большая половина Сицилии тебе завидует.

Мать усмехнулась.

— Знаешь, как отец удивился? Данте не хотел жениться, хотя ему уже двадцать восемь, а тут — ты. Тебе сказочно повезло, Бьянка.

Она вытерла слёзы с её щек.

— Нет, мама. Нет. Уйди.

Мать вздохнула, ещё раз погладила её по голове и вышла.

Бьянка написала Марко короткое сообщение:

«Вечером на нашем месте».

Бьянка твердо решила что она убежит. Ей уже двадцать один, она может жить самостоятельно и ей не нужен этот дом, не нужна фамилия, не нужны деньги отца. Ей нужен только Марко.

Тем же вечером она сложила в рюкзак самое необходимое и через час она уже стояла в условленном месте и ждала его.

Старый склад у порта небольшое помещение, спрятанное от чужих глаз, про которое знали только они. Идеальное место для тайных встреч, где они проводили ночи вдвоём. Это не были шикарные апартаменты, все было скромно : старый диван, который стоял там много лет, Бьянка застелила мягкими пледами, небольшой ящик, который они использовали как стол , импровизированная полка, на которой стояла бутылка недопитого вина и старая масляная лампа, которая создавала уют.

Марко появился из темноты так внезапно, что Бьянка на мгновение замерла, а потом бросилась к нему, обвила руками его шею и уткнулась лицом в плечо.

— Тише, тише, — прошептал он, крепко прижимая её к себе. — Я здесь. Не плачь, Бьянка.

Она подняла голову и обхватила его лицо ладонями, словно хотела убедиться, что он действительно рядом, а затем поцеловала — жадно, отчаянно, вкладывая в этот поцелуй всё, что не могла выразить словами: боль, страх и последнюю надежду на спасение.

Марко ответил ей, стиснул ещё крепче и зарылся лицом в её волосы.

— Всё будет хорошо, — тихо произнёс он. — Слышишь меня? Теперь всё будет хорошо.

Они устроились на небольшом диване у стены. Марко не выпускал её руки, медленно поглаживая большим пальцем ее руку. Некоторое время Бьянка молчала, пытаясь успокоить дыхание, а затем заговорила:

— Я не спустилась к ужину, мне было плевать и на Моретти, и на всё остальное. Потом я выбралась через окно в сад, чтобы прийти к тебе... но там стоял он.

Её голос дрогнул. Она сглотнула, на несколько секунд опустив взгляд.

— Я нагрубила ему. Высказала всё, что думала и мне казалось, он просто развернётся и уйдёт. Но он... — Бьянка сжала пальцы Марко. — Наверное, решил наказать меня за то, что я посмела смотреть на него сверху вниз, за то, что не упала к его ногам, как все остальные.

Она подняла голову и посмотрела Марко прямо в глаза.

— Марко, у нас есть только один выход, — заговорила она торопливо. — Ты женишься на мне, мы сделаем это тайно, я возьму твою фамилию и перееду к тебе. Мы уже не дети и можем сами решать, как нам жить. Тогда я больше ничего не буду должна отцу и он не сможет заставить меня выйти за Моретти. Слышишь? Не сможет.

Бьянка погладила его по волосам и заглянула в глаза, ожидая, что он поймёт её, обрадуется, прижмёт к себе, но Марко молчал. В его взгляде не было того облегчения, которое она надеялась увидеть, только растерянность.

— Бьянка, послушай... — Наконец он взял её руки в свои и тяжело выдохнул. — Я ещё учусь. У меня ничего нет, мне даже некуда тебя привести. Мой отец никогда этого не одобрит, у меня обязательства перед кланом, а сейчас у нас и без того тяжёлые времена. Я даже не представляю, как он отреагирует. Сейчас... сейчас просто не время.

— Значит, ты не собирався на мне жениться?

— Конечно, собирався! — слишком поспешно ответил Марко и крепче сжал её руки. — Всегда собирався. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Я обещаю.

Она долго смотрела на него, будто впервые замечала то, чего раньше не хотела видеть.

— Твой отец даже не знает обо мне?

Марко отвёл взгляд и глубоко вздохнул.

— Нет, я боялся ему сказать.

Бьянка медленно высвободила руки.

— Понятно.

— Просто сейчас не время, — снова повторил он. — Нам нужно всё хорошо обдумать.

Она опустила голову ему на грудь и закрыла глаза.

— Тогда что мне делать?

Марко погладил её по волосам, а затем приподнял за подбородок и посмотрел ей прямо в глаза.

— Тебе нужно вернуться домой.

Бьянка сразу отстранилась.

— Домой?

— Да, пока это единственный выход.

— А если я останусь здесь? — Она оглядела маленькое помещение, ставшее за последние месяцы их тайным убежищем. — Я смогу пожить здесь какое-то время, а ты будешь приходить ко мне, а может мы снимем квартиру... любую даже самую маленькую мне всё равно.

— Бьянка, ты сошла с ума? — Марко резко поднялся с дивана. — Ты понимаешь, что произойдёт, если твой отец найдёт тебя здесь? Он решит, что я похитил его дочь — невесту Моретти. Они пойдут на нас войной, на меня, на моего отца, на весь наш клан. Ты вообще понимаешь, что предлагаешь?

Он взял её за плечи.

— Я всё придумаю. Сейчас резкие решения не приведут ни к чему хорошему. Сейчас не нужно, чтобы кто-то знал, что мы виделись. Ты же сама сказала, он может запереть тебя, поэтому давай я лучше давай я провожу тебя до дома.

— Но, Марко... — она притянула его к себе и начала расстёгивать его рубашку. — Я хочу провести ночь с тобой.

— Не сегодня, — он мягко остановил её руки. — Я обещал отцу сегодня быть с ним на сделке.

Он встал, потянул её за руку.

— Я люблю тебя Марко.

— Я тоже тебя люблю.

Следующие недели превратились для Бьянки в настоящий ад. Отец каким-то образом узнал, что она тайно встречалась с Марко и пришёл в ярость. Для него сама мысль о том, что кто-то мог обсуждать его дочь, которая за спиной семьи гуляла с каким-то парнем, была невыносима. Если слухи дойдут до Моретти, Данте может счесть себя оскорблённым и отказаться от помолвки, а подобного унижения глава семьи Беллини допустить не мог.

Вскоре на окнах её спальни появились тяжёлые металлические решётки, а сама Бьянка практически перестала выходить из дома. Ей разрешали гулять только в саду, да и там за каждым её движением следила охрана. Ни встреч с подругами, ни поездок в город, ни возможности хотя бы ненадолго остаться одной у неё больше не было.

Поначалу Бьянка пыталась сопротивляться. Она кричала, требовала снять решётки, швыряла вещи и в ярости повторяла, что она не преступница и не животное, которое можно запереть в клетке. Несколько раз она пыталась прорваться к выходу, но охранники молча преграждали ей дорогу, не обращая внимания ни на угрозы, ни на слёзы. Отец спокойно выслушивал её требования и каждый раз отвечал одно и то же: свободу она получит тогда, когда перестанет позорить семью и научится подчиняться.

Даже университет, который прежде был единственным местом, где она могла хотя бы ненадолго почувствовать себя свободной, теперь превратился в продолжение её заключения. Охрана сопровождала Бьянку от дома до университета, встречала у машины и провожала до самой двери аудитории. Разве что в уборную за ней не заходили, но и там ждали снаружи, перекрывая проход и не позволяя ей выйти через другой коридор. Под взглядами студентов она чувствовала себя преступницей, которую ведут на допрос, и с каждым днём это ощущение становилось всё невыносимее.

Вернувшись домой, Бьянка часами сидела у окна и смотрела сквозь решётки на сад, перебирая в голове возможные варианты. Она пыталась понять, сможет ли снова сбежать, где ей спрятаться и к кому обратиться за помощью, но каждый план рассыпался, едва она начинала обдумывать его всерьёз.

Раньше Бьянка с увлечением слушала лекции по палеографии и истории редких книг, записывала каждое слово профессора, задавала вопросы и спорила с ним о подлинности старинных рукописей. Теперь же она могла просидеть всю пару, глядя в одну точку, и не услышать ни единого слова. Тетрадь лежала перед ней раскрытой, но страницы оставались чистыми, потому что все её мысли были заняты только одним: как выбраться из дома и не позволить отцу отдать её Данте Моретти.

Перемены в её поведении были настолько заметны, что однажды, закончив получасовой рассказ о методах определения возраста старинных манускриптов, профессор подошёл к её столу и остановился рядом.

— Синьорина Беллини, сегодня вы явно где-то далеко отсюда. Если мои лекции перестали вас интересовать, возможно, вам лучше продолжить обучение дома?

Бьянка вздрогнула и только тогда заметила, что всё это время держала ручку над чистой страницей.

— Извините, профессор. Мне действительно интересно, просто сегодня я никак не могу сосредоточиться.

Она виновато опустила глаза, хотя прекрасно понимала, что дело было не только в сегодняшнем дне. С тех пор как на окнах её спальни появились решётки, она вообще не могла думать ни о чём, кроме побега и Марко.

Ей отчаянно хотелось снова оказаться в их тайном месте у порта, провести ночь в его объятиях, почувствовать вкус его губ и хотя бы на несколько часов забыть о том, что происходило дома. Ей казалось, что рядом с ним страх отступит и всё снова станет таким, как прежде. Однако теперь встретиться с Марко было почти невозможно не только из-за охраны, которая следила за каждым её шагом, но и потому, что он сам постоянно оказывался занят.

Впервые за всё время они начали ссориться. Раньше ей казалось, что между ними не существует ничего, чего они не смогли бы преодолеть, но теперь почти каждый разговор заканчивался взаимными упрёками. Отец Марко постепенно вводил сына в дела семьи, Марко жаловался, что на него навалилось слишком многое, а Бьянка всё чаще чувствовала, что вся эта ситуация стала для него ещё одной проблемой, которую он старался избегать.

Он продолжал уверять её, что обязательно найдёт выход, клялся, что никому не позволит их разлучить, и каждый раз повторял, что совсем скоро они будут вместе. Однако дни проходили один за другим, а обещанное «скоро» становилось всё более далёким и неопределённым.

— Ты вообще хочешь меня увидеть? — однажды спросила Бьянка по телефону, тщетно пытаясь справиться с дрожью в голосе. — Иногда мне кажется, что тебя всё устраивает.

— Конечно, я хочу тебя увидеть, — сразу ответил Марко. — Ты же знаешь, как сильно я по тебе скучаю, но сейчас я не могу всё бросить. У меня появились обязательства перед семьёй и кланом, а отец требует, чтобы я постоянно находился рядом. У нас перекрыли несколько поставок, союзники начинают давить, каждый день приходится встречаться с людьми и разбираться с документами. Я единственный сын, Бьянка, и не могу просто исчезнуть, как бы мне этого ни хотелось.

— Ты обещал, что придумаешь, как спасти меня.

— И я придумаю, просто мне нужно немного времени. Пока ещё ничего не решено, поэтому мы не должны делать глупостей.

— Времени на что, Марко? На то, чтобы мой отец успел выдать меня за другого? — Она сильнее прижала телефон к уху.

— Ты можешь жениться на мне прямо сейчас. Если я стану твоей женой, отец уже не сможет отдать меня Моретти. Неужели ты действительно позволишь ему забрать меня и ничего не сделаешь?

На другом конце повисло молчание, которое оказалось красноречивее любых слов.

— Бьянка, всё не так просто, — наконец произнёс Марко, тщательно подбирая каждую фразу. — Если мы тайно поженимся, последствия затронут не только нас с тобой, но и обе наши семьи. Сейчас я не могу так поступить.

— Значит, ты боишься?

— Дело не в страхе. Просто всё произошло слишком быстро. Я всегда думал, что мы поженимся через несколько лет, когда я войду в дела семьи и смогу сам принимать решения. Мы будем вместе, но для этого должно наступить подходящее время.

Она слушала его и понимала, что все его доводы звучат разумно, однако от этой разумности становилось только больнее.

— Я люблю тебя, — мягче произнёс Марко, не дождавшись ответа. — Мне пора идти, но я обязательно позвоню позже и подумаю, как нам увидеться. Хорошо?

— Хорошо, — едва слышно ответила она.

Когда разговор закончился, Бьянка ещё долго смотрела на погасший экран телефона, ощущая внутри странную, непривычную пустоту.

После окончания лекций Бьянка вышла из университета и остановилась на верхней ступени, глядя на одноклассниц, которые беззаботно расходились по домам. Некоторые шли вместе со своими парнями, держались за руки, смеялись и обсуждали, куда отправиться дальше — выпить кофе, посмотреть новый фильм или прогуляться по набережной. Кто-то обсуждал платье на выпускной вечер, кто-то строил планы на лето, и всё это казалось таким простым, естественным и одновременно недостижимым.

Бьянке отчаянно хотелось того же: самой решать, куда идти, с кем встречаться и во сколько возвращаться домой. Ей хотелось убежать, почувствовать себя свободной и хотя бы один день прожить обычной жизнью.

Она уже собиралась спуститься, когда к ней подошёл высокий охранник и, остановившись на почтительном расстоянии, указал на ожидавшую у входа машину.

— Синьорина Беллини, прошу вас, садитесь.

Бьянка ненавидела этот момент, повторявшийся теперь каждый день. Стоило ей увидеть чёрный автомобиль, как внутри поднималась волна бессильной ярости, потому что даже несколько часов в университете не могли закончиться без напоминания о том, что она больше не принадлежала самой себе.

— Если вы силой затащите меня в эту машину, я выпрыгну на ходу, — предупредила она, даже не взглянув на водителя.

— У меня приказ, синьорина, — невозмутимо ответил охранник.

— А у меня приказ свести тебя с ума, поэтому посмотрим, кто из нас сдастся первым.

Охранник не отреагировал на угрозу и лишь открыл перед ней дверь. Как только Бьянка села в машину, водитель на всякий случай заблокировал все замки, и громкий щелчок заставил её резко повернуть голову.

— Ты что, серьёзно? — возмутилась она, дёрнув ручку. — Я просто пошутила. Господи, какой-то дурдом.

Водитель предпочёл промолчать, а Бьянка раздражённо откинулась на сиденье и отвернулась к окну. Город, который Бьянка всегда любила, теперь казался ей чужим. Ей хотелось гулять с Марко по набережной, держать его за руку, пить кофе в маленькой уютной кофейне где-нибудь в центре и смеяться, глядя ему в глаза. Вместо этого ей предстояло снова вернуться в ненавистный дом и ждать, пока однажды за ней приедет её новый владелец.

Едва переступив порог дома, Бьянка почувствовала знакомый запах одеколона. Она запомнила его ещё после их встречи в саду, хотя убеждала себя, что тогда не обратила на него никакого внимания. Терпкий, тяжёлый аромат кожи и древесины мгновенно воскресил в памяти его лицо и эти серые холодные глаза.

Войдя в гостиную, Бьянка сразу заметила его массивную фигуру. Данте сидел рядом с её отцом, расслабленно откинувшись на спинку кресла, и внимательно слушал его.

— По вашим коридорам поставки идут стабильно, — говорил Антонио, перебирая лежавшие перед ним бумаги. — Если всё продолжится в том же темпе, скоро мы закроем всё западное побережье.

— Хорошо, — коротко ответил Данте.

Услышав шаги, он повернул голову, и его взгляд сразу остановился на Бьянке.

— А вот и моя дочь, — произнёс Антонио с нескрываемой гордостью. — Только что вернулась с учёбы.

— Бьянка учится в Университете Палермо на факультете культурного наследия и антикварного дела, специализируется на редких книгах, рукописях и частных исторических лекциях. Она может определить возраст и подлинность манускрипта по качеству кожи.

Данте медленно скользнул по ней взглядом, задержавшись сначала на лице, затем на губах и снова поднявшись к глазам. Он смотрел так пристально, что Бьянке на мгновение показалось, будто между ними не осталось расстояния и его взгляд касался её кожи почти физически.

— Интересная специализация, — произнёс Данте, продолжая смотреть исключительно на неё.

— Для неё требуется высокий интеллект, — холодно ответила Бьянка. — Это всё-таки не то же самое, что стрелять по живым мишеням или вести себя как животное. Боюсь, вы вряд ли способны понять то, что я изучаю, поэтому можете не утруждаться.

Антонио замер с бумагами в руках и потрясённо посмотрел на дочь, словно не мог поверить, что она посмела произнести подобное в присутствии Данте.

— Бьянка, что ты себе позволяешь? — повысил он голос. — Я приказываю тебе немедленно извиниться!

Бьянка перевела взгляд на отца, после чего снова посмотрела на Данте и растянула губы в ослепительной, насквозь фальшивой улыбке.

— Простите меня, синьор Моретти. Простите за дерзость, но я невольно засомневалась в ваших интеллектуальных способностях, когда узнала, что вы поступаете как варвар и намереваетесь насильно забрать женщину, против её воли.

— Бьянка! — рявкнул отец, побагровев от ярости, а затем торопливо повернулся к гостю. — Простите её, синьор Моретти, она сегодня не в духе и сама не понимает, что говорит.

— Ничего страшного, — спокойно произнёс Данте, не сводя с неё глаз.

На его губах появилась едва заметная усмешка, которая разозлила Бьянку сильнее, чем любая ответная грубость. Ей хотелось задеть его, вывести из себя, заставить хотя бы на мгновение утратить это невыносимое спокойствие, но Данте, казалось, только наслаждался её сопротивлением.

Антонио перевёл обеспокоенный взгляд с дочери на Данте и поспешил подняться.

— Давайте пройдем в кабинет, я покажу вам бумаги по поставкам.

Он направился к лестнице, напоследок бросив на Бьянку предупреждающий взгляд. Она осталась стоять посреди гостиной, сжав руки в кулаки и глядя ему вслед, но уже через мгновение почувствовала, что Данте всё ещё наблюдает за ней.

Когда он поднялся с кресла, Бьянке снова пришлось отметить, насколько огромным он казался рядом с ней. Данте был настолько высоким и широкоплечим, что почти полностью заслонил собой свет, падавший из окна. Сейчас, при дневном свете, она впервые смогла нормально рассмотреть его лицо. Резкие, почти угловатые черты, высокие скулы, тёмные волосы и серые глаза, которые на фоне светлой кожи казались ещё ярче. Особенно глаза. Холодные, внимательные, слишком выразительные для человека с таким непроницаемым лицом. Знакомый запах одеколона стал сильнее, заставив её вспомнить их встречу в саду.

Антонио уже поднялся на несколько ступеней, а Данте всё ещё не двигался с места. Дождавшись, когда отец Бьянки скроется за поворотом лестницы, он медленно приблизился к ней, оставляя между ними совсем небольшое расстояние.

— Ты думаешь, что брак с тобой превратит меня в рабыню? — тихо спросила Бьянка, стараясь говорить ровно, хотя близость Данте заставляла её сердце биться быстрее. — Думаешь, я стану тебе подчиняться только потому, что отец пообещал отдать меня тебе? Ты не сломаешь меня, Моретти.

Она смотрела на него снизу вверх и не отступала, хотя ей приходилось всё выше запрокидывать голову по мере того, как он приближался. Он наклонился к самому её уху, между ними оставалось всего несколько сантиметров. Его дыхание обожгло кожу, но Бьянка не отстранилась.

— Ты невероятно сексуальна, когда злишься, Бьянка, — прошептал он низким, чуть хриплым голосом. — И мне нравится, как из твоих губ звучит «Моретти», поэтому говори это чаще. Совсем скоро это станет твоей фамилией.

Он усмехнулся и пошёл к лестнице, засунув руки в карманы.

— Ненавижу, — процедила она.

Увидев на столике тяжёлую декоративную вазу, она схватила её обеими руками и, не успев подумать о последствиях, бросила в Данте. Он услышал движение и успел уклониться, поэтому ваза пролетела рядом с его плечом и с оглушительным треском разбилась о стену.

Данте остановился и медленно обернулся. В его взгляде не было ни страха, ни злости; напротив, он откровенно рассматривал Бьянку, тяжело дышавшую от ярости, и на его губах снова появилась та самая самодовольная усмешка.

— Смирись, Бьянка, — произнёс он и продолжил подниматься по лестнице.

Через несколько минут Данте уже сидел в кабинете напротив Антонио. Устраиваясь в кресле, он спокойно поправил манжет рубашки.

— Она с характером, я вижу, — заметил он, и в его голосе прозвучало скорее удовлетворение, чем раздражение.

— Простите её, синьор Моретти, — произнёс Антонио, вытирая платком вспотевший лоб. — Бьянка очень своенравна, и дерзости ей действительно не занимать, тут я не спорю. Однако для неё всё это стало неожиданностью: свадьба, другая семья, новый дом. Думаю, ей просто необходимо немного времени, чтобы привыкнуть к мысли о предстоящем браке.

Данте поправил часы на запястье и несколько секунд молча смотрел на Антонио, прежде чем ответить:

— Её характер меня не беспокоит, синьор Беллини. Беспокоит меня совсем другое.

Он выдержал паузу, и Антонио заметно напрягся.

— Мне доложили, что Бьянка поддерживает какие-то отношения с человеком по фамилии Рицци, — продолжил Данте.

Он выдержал паузу, и в кабинете повисла тяжёлая тишина.

— Но теперь Бьянка — моя невеста и будущая жена. Поэтому я категорически настаиваю, чтобы вы ограничили любой контакт. Никак, нигде, ни под каким предлогом.

Данте посмотрел своим ледяным взглядом на Антонио.

— Вы понимаете, о чём я говорю, синьор Беллини?

— Разумеется, синьор Моретти, — заторопился Антонио. — Уверяю вас, между ними нет ничего серьёзного. Бьянка увлекается, как все молодые девушки, но она знает свой долг. Сейчас её интересуют учёба и книги. я...я лично прослежу, чтобы контактов больше не было. Даю слово.

Данте вышел из особняка Беллини, настояв, чтобы Антонио не провожал его. В саду пахло сладким цветущим жасмином и влажной землёй после утреннего дождя. Он закурил сигарету и сразу заметил её. Бьянка стояла в саду спиной к нему, её изящный силуэт отчётливо выделялся на фоне зелени. Солнце золотило длинные волосы, а тонкая талия, плавный изгиб бёдер и длинные стройные ноги снова вызвали в нём острое желание.

Он подошёл сзади, положил руку ей на талию и резко притянул к себе так, что она упёрлась спиной в его грудь. Бьянка вздрогнула от неожиданности и мгновенно напряглась. Знакомый запах его одеколона стал сильнее, и она сжала челюсть, уже понимая, кто стоит за её спиной.

— Скоро снова увидимся, синьорина Моретти, — прошептал он, нарочно выделяя фамилию, прекрасно зная, как сильно это её бесит.

Она не обернулась, и Данте усмехнулся, чувствуя её напряжение.

— Кстати, ты помнишь, что скоро наша помолвка? — добавил он, не убирая руки с её талии. Пальцы скользнули чуть ниже, вдоль изгиба бедра. — Я думаю, тебе пойдёт чёрное платье. Пусть оно будет длинное, закрытое, из шёлка.

Бьянка наконец повернула к нему голову.

— А я думаю, тебе больше пойдёт молчать.

Данте проигнорировал её сарказм.

— Пусть облегает тело, но закрывает всё остальное. Не хочу, чтобы кто-нибудь смотрел на то, что принадлежит мне. — Он чуть наклонился к её уху и с едва заметной усмешкой добавил: — И никакого белья. Об этом буду знать только я.

Он специально произнёс последние слова медленнее, наблюдая, как меняется выражение её лица. Кажется, доводить Бьянку до бешенства начинало доставлять ему отдельное удовольствие.

Она резко развернулась и перехватила его руку, вцепившись в запястье так сильно, что ногти впились в кожу.

— Не смей прикасаться ко мне, — выдохнула она, сжигая его взглядом. — Ты не имеешь права. Я тебе не принадлежу.

Данте снова притянул её к себе, заставив оказаться почти вплотную.

— Совсем скоро будешь. Не забывай об этом, — произнёс он тихо, почти ласково, и улыбнулся уголке губ.

Бьянка первой отпустила его руку и сразу отступила, словно одного расстояния между ними было недостаточно и ей хотелось оказаться как можно дальше. Данте не спеша поправил манжету рубашки, посмотрел на оставленные её ногтями следы и направился к машине.

Бьянка осталась стоять в саду, провожая его яростным взглядом. Её трясло от злости и бессилия, а ощущение его ладони на талии всё ещё не исчезло, отчего становилось только противнее. Она раздражённо провела рукой по ткани платья, будто могла стереть даже память о его прикосновении.

Больше всего бесило то, с каким удовольствием он её провоцировал. Данте прекрасно видел каждую её реакцию и словно нарочно искал следующую границу, за которую можно зайти, только чтобы снова увидеть, как она выходит из себя.

Он сел в машину и достал телефон.

— Номалье, докладывай. Что ещё удалось узнать про Рицци?

— Марко Рицци — единственный сын и наследник, однако реальной власти у него пока нет, — ответил помощник. У него нет ни собственных людей, ни своих денег, поэтому он полностью зависит от отца и очень дорожит его одобрением. Дела у них весьма плохи, синьор, — продолжил Номалье. — Наши союзники по вашей просьбе уже перекрыли им кислород по всем фронтам. Несколько грузов задержаны, владельцы складов отказываются продлевать договоры, а семьи, которые раньше предоставляли им транспорт, теперь требуют двойную плату или

вовсе не хотят иметь с ними дела. Рицци оказались в безвыходном положении. Им необходимы поставки через восточное побережье, а также выход на семьи Альери и Сальваторе. Без новых маршрутов и сильного союзника их клан начнёт разваливаться уже в очень скоро.

— У них остаются собственные каналы?

— Они по-прежнему работают с наркотрафиком из Калабрии, и в этом Рицци всегда были сильны. Однако сейчас их пережали со всех сторон, поэтому даже эти каналы начали давать сбои. Они хитры и живучи, как крысы, но без свежих союзников им не выбраться. Несколько мелких семей на юге ещё поддерживают их из-за старых обязательств, однако без вашей рекомендации или покровительства кого-то из наших союзников ни один серьёзный клан не станет с ними разговаривать.

Данте ненадолго задумался. Семья Альери была обязана ему своим существованием. Несколько лет назад клан оказался на грани уничтожения из-за междоусобной войны, и именно Данте тогда привёл людей Моретти на их сторону, обеспечил защиту, перекрыл каналы врагам и помог сохранить территории. С тех пор Альери находились в неоплатном долгу не только перед семьёй Моретти, но и перед ним лично.

— Значит, Альери, — задумчиво произнёс Данте. — Свяжись с их капо и передай, что Моретти хочет личной встречи с доном. Организуй всё в течение недели и проследи, чтобы никто не узнал о теме разговора.

— Будет сделано, синьор.

— И не ослабляйте давление на Рицци, пока я не прикажу. Они должны окончательно понять, что самостоятельно из этого положения уже не выберутся. Когда Альери сделают своё предложение, оно должно показаться им единственным спасением.

— Я понял.

Данте не собирался открыто угрожать Марко или требовать, чтобы тот исчез из жизни Бьянки. Его Бьянки. Подобный поступок лишь показал бы, что он воспринимает мальчишку всерьёз, а Данте не хотел доставлять ему такого удовольствия. Гораздо разумнее было заставить обстоятельства сделать всё за него, чтобы Марко сам отказался от Бьянки.

Встреча состоялась через неделю в закрытом ресторане на окраине Палермо. Заведение в тот вечер не принимало обычных посетителей, а люди обеих семей остались снаружи, поэтому разговору никто не мог помешать. Данте сидел напротив старого дона Джакомо Альери — седого, но всё ещё крепкого мужчины с цепким взглядом, который за долгие годы привык замечать скрытые мотивы собеседников.

— Синьор Моретти, — поприветствовал его Джакомо. — Как поживает ваш отец? Всё ли благополучно в семье?

— Всё в порядке, дон Альери, — ответил Данте.

— Я слышал, что вы собираетесь жениться, — старик одобрительно улыбнулся. — Поздравляю. Семья это самое важное, потому что именно на ней держится всё остальное.

— Благодарю вас, — сдержанно ответил Данте. — Как поживает ваша семья? Как дочери?

— Дочери выросли, и теперь пришло время думать об их будущем, — вздохнул Джакомо. — Пора выдавать их замуж, хотя отцу всегда кажется, что для этого ещё слишком рано. Если бы Моретти не помогли нам тогда, возможно, сегодня выдавать замуж было бы уже некого. Теперь мне хочется дождаться внуков и успеть понынчиться с ними, пока ещё остаются силы.

Данте едва заметно усмехнулся, после чего взял стакан и сделал небольшой глоток.

— Вы всегда можете рассчитывать на помощь семьи Моретти.

— Я помню об этом и ценю всё, что вы для нас сделали.

Данте поставил стакан на стол и посмотрел на старика уже без улыбки.

— Я попросил вас о встрече не только ради дружеского разговора, дон Альери. Вы до сих пор не вернули мне долг.

Джакомо напрягся, однако почти сразу кивнул.

— Я помню об этом, синьор Моретти, и готов его вернуть. Без вас моего клана уже не существовало бы, поэтому скажите, что вам нужно.

— У меня есть предложение, которое позволит вам вернуть долг и одновременно укрепить положение собственной семьи. Рицци задыхаются. Им необходимы новые поставки, выход на восточное побережье и защита более влиятельного клана. Вы вступите с ними в союз, предоставите доступ к своим маршрутам и поможете восстановить связи. Взамен Альери получат контроль над частью их каналов и долю от всей прибыли, проходящей через ваши территории.

Джакомо удивлённо приподнял брови, но не перебил его.

— Семья Моретти, в свою очередь, закроет глаза на ваше расширение на запад и обеспечит вам защиту, — продолжил Данте. — Кроме того, вы получите доступ к нашим портам в Трапани без пошлин, о чём просили в течение последних нескольких лет. Таким образом, Рицци сохраняют свой клан, Альери расширяют влияние, а Моретти приобретут ещё одного надёжного союзника. Все останутся в выигрыше.

— Это щедрое предложение, но я не понимаю, зачем Моретти понадобилось спасать Рицци, — осторожно заметил Джакомо.

— Я не спасаю Рицци, — холодно ответил Данте. — Я помогаю вам вернуть долг, а заодно решаю собственные вопросы.

Он покрутил стакан в руках, наблюдая за тем, как янтарная жидкость медленно стекает по стеклу.

— Самое важное условие состоит в том, что ваш союз с Рицци должен быть скреплён браком. Одна из ваших дочерей выйдет замуж за сына Рицци. Только в этом случае союз станет достаточно прочным и обе семьи будут уверены, что ни одна из сторон не отступит при первых трудностях.

Джакомо некоторое время молчал, обдумывая услышанное и внимательно изучали лицо Данте.

— Вы предлагаете мне отдать дочь наследнику семьи, которая находится на грани краха?

— Я предлагаю сделать её женой будущего главы клана, который после заключения этого союза перестанет находиться на грани краха. Вы получите часть их маршрутов, прибыль и защиту Моретти, поэтому семья вашей дочери ни в чём не будет нуждаться. Более выгодного брака для неё сейчас не предложит никто.

— При условии, что Рицци согласятся на ваши требования.

— Они согласятся, потому что выбора у них не останется. Сначала вы предложите им доступ к восточному побережью, а затем назовёте условие, до объявления официальной помолвки они не получат ни одного нового маршрута. Как только семьи придут к соглашению, вы откроете им первые поставки, а после заключения брака получите доступ к нашим портам в Трапани и покровительство на западном побережье.

— Вы всё предусмотрели, — негромко произнёс Джакомо.

— Именно поэтому мы сейчас сидим здесь.

— Но зачем лично вам нужен этот брак?

Данте поднял на него тяжёлый взгляд, давая понять, что вопрос останется без ответа.

— Вы согласны на мои условия, дон Альери?

Старик ещё некоторое время размышлял, однако выгода предложения была слишком очевидной, чтобы от неё отказаться. Марко Рицци являлся наследником и однажды должен был возглавить клан, а благодаря покровительству Моретти этот клан снова мог стать влиятельным. Кроме того, Джакомо наконец получал доступ к западному побережью и портам, которого добивался несколько лет.

— Я согласен, синьор Моретти.

— Тогда завтра же свяжитесь с главой семьи Рицци. Не упоминайте о нашей встрече и позвольте ему поверить, что это вы решили протянуть руку помощи. Они должны сами попросить о союзе, потому что в таком случае им будет сложнее отказаться от вашего условия.

Джакомо поднял бокал, окончательно принимая условия сделки.

— За выгодное сотрудничество.

— За выгодное сотрудничество, — повторил Данте и коснулся своим бокалом его бокала.

Покидая ресторан, он уже знал, что план сработает. Он не просто предложил Альери союз с Рицци, а сначала собственными руками создал положение, в котором обе семьи будут вынуждены принять его условия.

Одно упоминание Рицци приводило Данте в бешенство. Ему было плевать, кто он и насколько серьёзными были их отношения.

Он привык получать всё, чего хотел, и никогда не задумывался о том, согласны ли с его решениями остальные, а сейчас он хотел Бьянку. Если Данте что-то выбирал, он просто забирал это, а затем устранял всё, что стояло на пути. Бьянка могла сопротивляться, ненавидеть его и продолжать цепляться за Марко, но это ничего не меняло. Данте уже решил, какой будет её жизнь, и собирался заставить всех остальных подчиниться этому решению. Бьянка одновременно злила и дико возбуждала его, а её дерзость только усиливала желание подчинить её себе. Он не пытался разобраться в том, почему она так засела в его голове, он просто хотел её, а значит, так и будет.

Глава 3

Недели шли, но ничего не менялось. Постепенно жизнь Бьянки сузилась до нескольких привычных маршрутов: университет, дом и редкие встречи с подругами, на которые отец отпускал её только под тщательным присмотром охраны. Она больше не могла внезапно изменить планы, зайти после лекций в книжный магазин или прогуляться по городу, потому что о каждом её шаге немедленно становилось известно. Бьянка ненавидела это ощущение постоянного контроля, но никакие ссоры с отцом не помогали вернуть прежнюю свободу.

Каждое утро, когда она выходила из дома, у ворот её уже ждала чёрная машина с охранниками Антонио. Однако довольно скоро Бьянка заметила, что, помимо них, за ней следят ещё несколько человек. Она видела одни и те же лица возле университета, на противоположной стороне улицы и рядом с кафе, в котором иногда встречалась с подругами. Сначала она пыталась убедить себя, что это всего лишь совпадение, но однажды после лекций специально вышла через другой корпус и неожиданно свернула в небольшой книжный магазин. Не прошло и нескольких минут, как один из мужчин появился возле витрины, делая вид, что рассматривает выставленные книги.

После этого Бьянка окончательно поняла, что ошибиться не могла. Это были не люди её отца, потому что охранники Антонио всегда находились рядом и не пытались скрываться. Те, другие, держались на расстоянии, но не выпускали её из виду, она знала, кому они принадлежали: Данте приставил собственных людей, чтобы следить за ней и контролировать каждый её шаг ещё до свадьбы.

Даже редкие встречи с подругами перестали приносить удовольствие. Охранники занимали соседний столик, а люди Данте оставались в машине через дорогу, поэтому Бьянка не могла забыть об их присутствии ни на минуту. Подруги сначала пытались шутить о том, что её охраняют словно дочь президента, но со временем и они начали чувствовать себя неловко, осторожнее выбирали слова и всё чаще поглядывали в сторону молчаливых мужчин. Бьянка делала вид, что её это не беспокоит, хотя внутри постепенно накапливалась злость, которой она не могла найти выхода.

Сам Данте тоже всё чаще появлялся в доме Беллини. Иногда он приезжал для разговора с её отцом, иногда оставался на ужин, а порой Бьянке казалось, что ему вообще не нужна причина, чтобы войти в их дом. Она научилась узнавать о его появлении ещё до того, как видела его: по автомобилю у крыльца, низкому голосу, доносившемуся из кабинета Антонио, и знакомому запаху одеколона, который сохранялся в комнатах даже после его ухода.

Каждый раз, когда Бьянка проходила мимо, Данте провожал её жадным взглядом, медленно скользившим по её лицу и телу, будто она уже принадлежала ему. Поначалу она старалась не реагировать, не смотреть в его сторону и проходить мимо с таким видом, словно его вообще не существовало, но Данте словно намеренно испытывал её выдержку. Он всё чаще сокращал расстояние между ними, подходил ближе или задерживался в дверном проёме, когда она хотела пройти.

Однажды Бьянка остановилась перед ним в коридоре и холодно потребовала освободить дорогу. Данте молча отступил лишь на полшага, оставив ей ровно столько места, чтобы она

могла протиснуться мимо. Она могла развернуться и уйти, но не собиралась доставлять ему такое удовольствие, Бьянка прошла вплотную к нему, стараясь не прикоснуться, Данте не сделал ничего, чтобы удержать её, но его взгляд оставался на ней до тех пор, пока она не скрылась за поворотом.

С каждым днём Бьянке всё сильнее казалось, что он намеренно проверяет, насколько близко может подойти, прежде чем она отступит. Это раздражало её, заставляло постоянно быть настороже.

Однажды она решила заняться подготовкой к экзамену и устроилась в саду, надеясь, что хотя бы там её оставят в покое. До экзамена оставалось всего несколько дней, а она почти ничего не успевала: дома постоянно кто-то появлялся, отец вызывал её для очередного разговора о предстоящей свадьбе, а мысли о Марко мешали сосредоточиться даже в тишине. Она устроилась на скамейке в тени деревьев и разложила рядом учебники и конспекты, принялась перелистывать страницы и вполголоса повторять даты, имена авторов и названия старинных манускриптов.

Несколько раз Бьянка возвращалась к одному и тому же абзацу, но смысл прочитанного всё равно ускользал, она медленно водила пальцем по строчкам, пытаясь заставить себя думать об экзамене, и поэтому не сразу заметила, что больше не одна.

Данте появился со стороны дома совершенно бесшумно. Не спрашивая разрешения, он подошёл к скамейке и сел рядом, оставив между ними непозволительно маленькое расстояние, его рука легла на спинку позади неё, почти касаясь плеча, а сам он принялся молча наблюдать за тем, как её палец скользит по строчкам конспекта.

Бьянка сделала вид, что не замечает его, и продолжила читать. Ей казалось, что, если она поднимет голову или отодвинется, Данте воспримет это как собственную победу.

— Ты мне мешаешь, — наконец произнесла она, не отрывая взгляда от страницы.

— Я ещё ничего не сделал.

— Твоё присутствие особенно раздражает.

Его взгляд медленно скользнул по её обнажённым ногам, и Бьянка сразу почувствовала это, хотя продолжала смотреть в конспект, по коже пробежали мурашки, а внутри появилось напряжение, которое она тут же попыталась объяснить злостью.

— Мне не нравится твоё платье, — сказал Данте.

Бьянка всё-таки подняла голову.

— Какая трагедия, и чем же оно тебя не устраивает?

— Оно слишком короткое. Больше его не надевай.

— Тебе не нравится? Отлично, тогда буду носить его чаще.

Не отводя от него взгляда, она взялась за край подола и демонстративно потянула его выше.

— Хотя, знаешь, мне кажется, такая длина была бы лучше. Пожалуй, надо его ещё немного укоротить.

Бьянка медленно приподняла ткань почти до середины бедра, делая вид, будто действительно оценивает будущую длину. Она хотела разозлить его и доказать, что он не вправе указывать ей, как одеваться, однако выражение лица Данте заставило её пальцы на мгновение замереть. Его глаза потемнели, взгляд стал тяжёлым и опасным, а от прежней расслабленности не осталось и следа.

— Опустит платье, Бьянка.

Он произнёс это спокойно, не повысив голоса, однако в его тоне прозвучал приказ, которому, по его мнению, она должна была немедленно подчиниться.

Бьянка упрямо приподняла подол ещё немного.

— А если не опущу?

Данте перехватил её за запястье и медленно отвёл руку от бедра, заставляя ткань вернуться на место. Его пальцы сжались крепко, но не причиняли боли, а серые глаза всё это время не отрывались от её лица.

— Тогда я сделаю это сам, — произнёс он. — А после избавлюсь от платья, чтобы тебе больше не пришлось в голову выйти в нём из дома.

Бьянка резко выдернула руку.

— Если я захочу, то буду ходить голой. Даже без белья и мне совершенно плевать, что ты об этом думаешь, Моретти.

Данте медленно окинул её взглядом, после чего снова посмотрел прямо в глаза.

— Попробуй показаться в таком виде на улице и узнаешь насколько сильно ошибаешься.

— Почему же твоё мнение должно меня волновать?

Он подался ближе, окончательно лишая её возможности сделать вид, что этот разговор ничего не значит.

— Потому что никто не будет смотреть на то, что принадлежит мне.

В глазах Бьянки вспыхнула ярость, она медленно подалась вперёд, намеренно наклоняясь так низко, чтобы глубокий вырез платья оказался прямо перед его лицом.

Данте опустил взгляд. Бьянка заставила себя усмехнуться.

— Ты, наверное, каждую ночь представляешь меня голой и дрочишь на меня, Моретти?

Бьянка наклонилась ещё немного, окончательно превращая свой выпад в открытую провокацию.

— Бедный. Должно быть, ужасно тяжело постоянно хотеть то, чего никогда не получишь.

Данте медленно поднял глаза к её лицу. Он не отвёл взгляд и не попытался скрыть возбуждение, но вместе с тем в его выражении не появилось ни капли смущения. Напротив, теперь он смотрел на неё так, что самодовольная улыбка Бьянки начала исчезать.

— Нет, Бьянка. Я предпочитаю не представлять, а заменяю фантазии действиями. Поэтому либо перестань меня провоцировать, либо будь готова однажды получить именно ту реакцию, которой так настойчиво добиваешься.

Улыбка на губах Бьянки на мгновение застыла. От его спокойной уверенности ей стало не по себе, потому что Данте не шутил и не пытался её напугать пустой угрозой. По спине пробежал холод, смешавшийся с предательским жаром, но она не отодвинулась. Бьянка лишь медленно выпрямилась, выше подняла подбородок и заставила себя выдержать его взгляд, словно сказанное совершенно её не задело.

— У тебя слишком дерзкий язык. Поверь, я уже придумал для него применение получше, чем бесконечные споры со мной.

— Я уверена, что ты уже придумал тысячу вариантов, — фыркнула она. — Оставь свои фантазии при себе.

— Значительно больше тысячи, — невозмутимо ответил Данте.

Бьянка захлопнула конспект и принялась собирать разбросанные по скамейке бумаги, стараясь не торопиться и не показывать, насколько сильно он сумел её смутить.

— Мне нужно готовиться.

— Разумеется, — с едва заметным сарказмом произнёс Данте. — Завтра у тебя экзамен по палеографии.

Бьянка замерла с конспектами в руках и резко обернулась.

— Откуда ты знаешь?

Данте поднялся со скамейки и неторопливо поправил часы на своем запястье, а на губах уже появилась знакомая самоуверенная усмешка.

— Я знаю всё, Бьянка. И чем быстрее ты сдашь этот экзамен, тем быстрее станешь моей женой.

Слово «моей» он произнёс особенно медленно, с нескрываемым удовольствием, а затем окинул её последним тяжёлым взглядом и направился к дому.

После его ухода Бьянка ещё долго не могла вернуться к подготовке. Стоило ей опустить глаза на страницу, как перед ней снова возникал потемневший взгляд Данте, а в голове звучало его спокойное обещание перейти от фантазий к действиям. Она злилась на него за эту наглость, но ещё сильнее — на себя за то, что именно ей первой пришлось в голову его спровоцировать.

Несколько дней спустя он снова приехал в дом Беллини. Мать и отец встречали его как самого дорогого гостя, словно Данте уже стал частью семьи, и в течение всего ужина старались поддерживать разговор о свадьбе. Антонио обсуждал с ним дела и будущие договорённости между кланами, мать расспрашивала о доме Моретти, а Бьянка молча сидела напротив, почти не прикасаясь к еде.

Она чувствовала на себе взгляд Данте всякий раз, когда поднимала бокал или поправляла волосы, и к концу вечера его присутствие стало настолько невыносимым, что, едва принесли десерт, Бьянка незаметно вышла из-за стола. Она проскользнула на балкон и плотно закрыла за собой стеклянную дверь, надеясь хотя бы несколько минут провести в одиночестве.

Ночной воздух оказался прохладным. Бьянка опёрлась ладонями о перила и глубоко вдохнула, наслаждаясь редким мгновением, когда никто не говорил ей о свадьбе, долге и фамилии Моретти. Из сада доносился тихий шелест листвы, музыка из гостиной за закрытой дверью звучала приглушённо, и впервые за весь вечер ей показалось, что можно хотя бы немного расслабиться.

За спиной открылась дверь. Бьянка услышала шаги, а затем негромкий щелчок зажигалки. Почти сразу знакомый запах одеколона смешался с табачным дымом.

Она прикрыла глаза.
Конечно. Даже здесь.

— Сбежать хочешь? — спросил он.

Бьянка не обернулась.

— Каждый день.

— И куда бы ты пошла?

— Туда, где нет тебя.

Данте усмехнулся и медленно затянулся, выпуская дым в сторону сада. Бьянка несколько секунд терпела, потом раздражённо повернула к нему голову.

— Господи, прекрати это делать.

Он посмотрел на неё с лёгким недоумением.

— Что именно?

— Курить. Прекрати курить рядом со мной.

— Тебя настолько это раздражает?

— Нет, я вдруг решила позаботиться о твоём здоровье. Конечно, раздражает. Это омерзительно. Я вообще не понимаю, как люди могут добровольно это делать. Ты же потом весь воняешь табаком: одежда, волосы, кожа. — Она окинула его раздраженным взглядом. — Хотя твой дебильный образ эта привычка действительно отлично дополняет.

Данте приподнял бровь.

— Дебильный образ?

— Именно. Высокомерный тип с отвратительным характером, который уверен, что весь мир обязан делать то, что он скажет. Сигарета сюда прекрасно вписывается.

— Я курю редко.

— Какая разница? Просто не делай этого рядом со мной.

Данте несколько секунд смотрел на неё, затем затушил сигарету.

Бьянка удивлённо приподняла брови.

— Надо же. Оказывается ты даже способен выполнить чужую просьбу.

— Иногда.

Она задержала взгляд на его глазах. Падающий из комнаты свет делал их почти стальными, холодными и непривычно яркими в темноте. Бьянка никогда раньше не видела глаз такого оттенка: серый казался то почти серебристым, то становился тёмным, в зависимости от того, как падал свет. Она невольно засмотрелась, пытаясь понять их настоящий цвет, и только заметив, что Данте тоже смотрит на неё, быстро отвела глаза.

— Ты права, — произнёс он. — Я слышал, что пассивное курение даже вреднее обычного.

Данте ненадолго замолчал, а затем добавил:

— А ещё тебе ведь носить наших детей, так что больше не буду. Мне нужны здоровые наследники.

Бьянка несколько секунд молчала, не веря собственным ушам.

— Ты что, издеваешься? Каких ещё детей?

— наших детей, — невозмутимо ответил он. — Ты попросила меня не курить, я согласился. В чём проблема?

Бьянка стиснула зубы, но отвечать не стала. Она отвернулась к саду, решив, что продолжать этот разговор бессмысленно. Ветер бросил прядь волос ей на лицо, и Данте протянул руку, медленно убирая её за ухо. Кончики его пальцев скользнули по щеке.

Бьянка резко повернулась и отстранилась, не позволяя ему продолжить.

— Зачем ты это делаешь?

— Что именно?

— Всё это. Приходишь в мой дом, следишь за мной, решаешь, что мне носить. Постоянно специально говоришь то, что меня бесит.

Данте заметил перемену в её тоне.

— Мне нравится, как ты сопротивляешься, — наконец произнёс он. — Все вокруг соглашались со мной ещё до того, как я успеваю закончить фразу, а ты споришь даже тогда, когда понимаешь, что всё равно не победишь. Когда ты злишься, то перестаёшь осторожничать и показываешь себя настоящую.

— Значит, ты специально постоянно выводишь меня из себя?

— Иногда.

— Зачем?

Данте едва заметно усмехнулся.

— Потому что мне нравится наблюдать, как ты бесишься.

Бьянка несколько секунд смотрела на него, не веря собственным ушам.

— Ты больной.

— Возможно.

— Самовлюблённый.

— Тоже возможно.

— Невыносимый.

— А вот это уже точно.

Бьянка невольно усмехнулась и тут же рассердилась на себя за то, что он всё-таки сумел её рассмешить.

— Удивительно.

— Что именно?

— Мужчина почти тридцати лет, у которого есть власть, деньги и влияние, проводит вечера, доводя до бешенства девушку. Очень достойное применение возможностей.

— Не какую-то девушку, — поправил он. — Тебя.

— Какая огромная разница.

— Для меня огромная.

Бьянка внимательнее посмотрела на него, пытаясь понять, что именно он имеет в виду.

— Я думала, что у людей твоего уровня увлечения более... интеллектуальные.

— Например?

Она медленно окинула его взглядом с головы до ног.

— Не знаю, но точно не я.

— Ты не моё увлечение, Бьянка. Всё гораздо проще: я захотел тебя и решил, что ты станешь моей женой, а то, чего я хочу, рано или поздно становится моим.

Её улыбка исчезла.

— Я не вещь, которую можно захотеть и забрать.

— Знаю. С вещами у меня обычно гораздо меньше проблем.

Бьянка закатила глаза и отвернулась. Данте ещё несколько секунд смотрел на неё, затем направился к двери. Уже взявшись за ручку, он остановился и обернулся.

— И всё-таки признай: дети у нас будут очень красивые.

Она потрясённо уставилась на него. Казалось совершенно невозможным, что после всего сказанного он опять вернулся к этой теме.

— Ненавижу тебя.

— Знаю.

Данте открыл стеклянную дверь и вернулся в дом. Бьянка осталась на балконе одна, но даже после его ухода продолжала чувствовать знакомый запах одеколона, смешанный с остатками табачного дыма.

В следующие дни ей всё чаще казалось, что этот запах окончательно въелся в стены дома и теперь преследовал её повсюду. Данте появлялся у Беллини настолько часто, что его присутствие постепенно стало почти привычной частью её жизни. После его ухода запах оставался в

гостиной, чувствовался в коридорах и иногда мерещился даже в спальне, куда Данте никогда не заходил. Порой Бьянка просыпалась посреди ночи с ощущением, будто он находится совсем рядом, хотя в комнате никого не было.

Стоило Бьянке закрыть глаза, как перед ней появлялось его лицо: холодные серые глаза, резкие скулы, она вспоминала его голос, прикосновение пальцев к своей щеке и то, как спокойно он говорил о браке и детях, словно вся её дальнейшая жизнь уже принадлежала ему. Больше всего Бьянку бесило то, насколько хорошо она успела запомнить каждую его черту.

В ту ночь она долго ворочалась, несколько раз переворачивала подушку, открывала окно и пыталась читать, но ничего не помогало. Данте не выходил из головы, и от этого Бьянка злилась всё сильнее. Когда на часах было уже почти шесть утра, она поняла, что уснуть всё равно не сможет, и решила спуститься на кухню за кофе.

Она вышла из комнаты в коротких пижамных шортах и тонкой майке, не став надевать халат. В доме стояла предрассветная тишина, и Бьянка была уверена, что все еще спят, а сестер и вовсе не было дома, они уже больше месяца находились в Париже. Спускаясь по лестнице, она сонно зевнула, подняла руки и потянулась всем телом, на мгновение закрыв глаза.

Именно поэтому Данте она заметила слишком поздно.

Он поднимался ей навстречу в идеально выглаженной рубашке, обтягивавшей широкие плечи, и тёмных брюках. От неожиданности Бьянка отшатнулась, оступилась и потеряла равновесие, но Данте успел перехватить её: одной рукой обхватил за обнажённую талию, второй придержал за спину и резко притянул к себе.

Она всем телом прижалась к его твёрдой груди, а ладони инстинктивно упёрлись в напряжённые мышцы под рубашкой. Бьянка подняла голову и встретила с ним взглядом. Он находился так близко, что она различала едва заметную щетину на его подбородке и чувствовала его дыхание на своих губах.

На несколько секунд она замерла, забыв, что должна немедленно оттолкнуть его. Знакомый запах одеколона, который всю ночь существовал лишь в её воображении, теперь окружал её на самом деле. Дыхание невольно сбилось, а пальцы, лежавшие на его груди, чуть сильнее сжали ткань рубашки.

Данте это заметил. Его взгляд медленно опустился к её приоткрытым губам, а ладонь на талии сжалась немного крепче.

Бьянка первой пришла в себя и попыталась отстраниться, однако он ещё несколько мгновений продолжал удерживать её возле себя.

— Лучше бы я упала, — выдохнула она. — Отпусти меня немедленно, и вообще, что ты здесь делаешь в такую рань? Ты теперь поселился в моём доме?

— Я не позволил тебе свернуть шею, а ты даже не собираешься меня благодарить.

— Спасибо, что сначала напугал меня до смерти, а потом спас от последствий собственного появления. Теперь отпусти.

Данте наконец разжал руки. Бьянка быстро отступила на ступень выше, поправила майку и заправила растрёпанную прядь за ухо, стараясь не смотреть на него. Однако она почти физически чувствовала, как его взгляд скользит по её обнажённым ногам и медленно поднимается выше.

Только тогда Бьянка осознала, насколько мало на ней одежды. Тонкая ткань майки плотно облегла большую грудь и совершенно не скрывала затвердевших сосков. Она поспешно скрестила руки, но было уже поздно: Данте всё заметил.

Его взгляд медленно опустился ниже, задержался на её груди, а затем вернулся к лицу.

— Какая же ты чувствительная, Бьянка, — негромко произнёс он. — Всего одно прикосновение, и твоё тело уже так на меня реагирует.

Она почувствовала, как к щекам приливает жар, и разозлилась ещё сильнее. Больше всего её бесила спокойная уверенность, с которой Данте говорил об этом, словно знал её реакцию лучше неё самой.

— Здесь просто холодно.

— Ты можешь объяснять это как угодно. Холодом, ветром, чем захочешь. Только каждый раз, когда я к тебе прикасаюсь, ты реагируешь одинаково.

Бьянка несколько секунд смотрела на него, не веря в услышанное.

— Моретти, у тебя серьёзные проблемы с головой. Или ты правда уверен, что любая женщина рядом с тобой автоматически начинает тебя хотеть? Какая трогательная самоуверенность.

— Речь сейчас не о любой женщине. Речь о тебе.

— Я тебя не хочу.

— Хорошо. Ты можешь сколько угодно злиться, оскорблять меня и рассказывать, как сильно меня ненавидишь. Это ничего не меняет.

— Для тебя, может быть.

— Не меняет Бьянка.

От этих двух слов внутри всё вскипело.

Бьянка резко подалась вперёд и обеими руками толкнула его в грудь со всей силой, на которую была способна. Данте даже не пошатнулся. Лишь опустил глаза на её ладони, а затем снова посмотрел ей в лицо.

— Вот теперь я узнаю тебя.

Она тут же отдернула руки. Бьянка почувствовала, как внутри всё сжалось от бессилия. Она развернулась и почти побежала вверх. В этот момент из кабинета вышел отец.

— Дочка, что случилось?

— Ничего, папа.

Не останавливаясь, Бьянка поднялась на второй этаж и с силой захлопнула дверь своей комнаты.

Антонио проводил её взглядом и повернулся к Данте.

— Всё в порядке, — спокойно сказал тот. — Пойдёмте, Антонио. Машина уже ждёт.

Оставшись одна, Бьянка ещё долго не могла успокоиться. Ей хотелось позвонить Марко, услышать его голос и напомнить себе, что существует другая жизнь, в которой нет Данте Моретти, навязанной свадьбы и человека, который с каждым днём всё увереннее входил в её жизнь, словно уже имел на это право.

Только Марко всё меньше походил на человека, способного эту другую жизнь ей дать.

Шли дни, а он так ничего и не решил. Они не виделись уже несколько месяцев, и постепенно всё, что осталось от их отношений, свелось к редким сообщениям и коротким телефонным разговорам, в которых Марко повторял одни и те же слова: «Скоро», «Не сейчас», «Дай мне ещё немного времени».

Она звонила ему снова и снова, но долгие гудки чаще всего заканчивались тишиной. Иногда Марко присылал короткое «Занят», а через несколько часов добавлял: «Люблю» или «Скучаю», словно эти два слова могли заменить его присутствие и решить всё, что происходило с ней.

Бьянка продолжала искать ему оправдания. Она убеждала себя, что Марко действительно оказался в сложном положении, что отец вводит его в дела семьи и однажды у него появятся власть и влияние, необходимые, чтобы противостоять Моретти. Нужно лишь немного подождать, и он обязательно приедет за ней. Она должна была в это верить, потому что иначе пришлось бы признать, человек, ради которого она была готова отказаться от семьи и прежней жизни, не собирался делать ради неё того же.

После занятий Бьянка вышла из университета с телефоном в руке и снова набрала его номер. Марко не ответил. Она позвонила ещё раз, вслушиваясь в равнодушные гудки, но вызов снова остался без ответа.

— Чёрт, — выругалась она и сбросила звонок.

Знакомый запах одеколона заставил её поднять голову. Перед ней стоял Данте, а у тротуара за его спиной ждала чёрная машина. Двое охранников находились неподалёку, внимательно следя за выходящими из университета студентами.

Взгляд Данте медленно опустился к её ногам. Короткая юбка открывала загорелые ноги подчеркивали изящный изгиб бедер, и проходившие мимо мужчины то и дело оборачивались на Бьянку, она заметила, как напряглась его челюсть.

— Почему на тебе такая короткая юбка?

— Потому что я ношу то, что хочу.

Бьянка убрала телефон в сумку и попыталась пройти мимо.

— Мне нужно домой. Папочка охраняет меня как самый дорогой товар, поэтому наверняка уже волнуется. Боится, что до свадьбы я испорчусь и потеряю цену.

— Ты едешь со мной, — произнёс Данте так, словно всё уже было решено.

Бьянка остановилась.

— Нет. Я еду домой.

— Твой отец в курсе. Выберем украшения для помолвки, и ты наденешь их на торжество.

— Мне ничего от тебя не нужно. Ни украшений, ни помолвки.

— Привыкай к тому, что не всё происходит так, как тебе хочется.

— Особенно когда рядом Данте Моретти, который считает, что может решать за всех.

— Наконец-то начинаешь понимать.

Он заправил за её ухо выбившуюся прядь. Пальцы скользнули по щеке, и Бьянка резко отстранилась.

— Никакой помолвки не будет! Я люблю Марко. Он заберёт меня, и мы поженимся. И ты ничего с этим не сделаешь.

— Жаль тебя разочаровывать, Бьянка, но Рицци собирается жениться совсем на другой женщине.

Она замерла, а затем коротко рассмеялась.

— Ты врешь.

— Он почти помолвлен с дочерью дона Альери.

— Это ложь!

— Разве он тебе не рассказал?

Данте сделал шаг к ней и понизил голос:

— У семьи Рицци большие проблемы. Они потеряли несколько важных каналов, их поставки перекрыты, а прежние союзники один за другим отказываются иметь с ними дело. Твой ненаглядный Рицци полез туда, куда не следовало, доверился не тем людям и поставил собственный клан на грань уничтожения.

Данте говорил спокойно и уверенно, давая ей ровно столько сведений, сколько было необходимо. Он не упомянул лишь об одном: проблемы Рицци не возникли случайно. Последние маршруты им перекрыли по его приказу, а союз с Альери появился именно тогда, когда он решил, что Марко должен исчезнуть из жизни Бьянки.

Всё остальное было правдой, и именно поэтому его ложь звучала так убедительно.

— Теперь у них появился единственный выход, — продолжил Данте. — Союз с Альери позволит остаться на плаву. Подобные договорённости в нашем мире принято скреплять браком, а отец Рицци уже ухватился за предложение обеими руками.

— Марко не согласится.

— Ты действительно так думаешь?

— Он любит меня.

Данте наклонился ближе и добавил.

— Тогда почему он сам тебе ничего не рассказал?

Бьянке показалось, что земля под ногами качнулась.

— Он просто ещё не знает. Наверняка отец ничего ему не сказал.

— Он знает.

— Нет.

— Знает и пытается решить, что ему выгоднее: ты или место во главе спасённого клана.

Она отшатнулась, но Данте не позволил ей уйти от его взгляда.

— Думаешь, он выступит против отца после того, как сам всё испортил? Откажется от союза, который спасёт его семью, и признается, что предпочёл дочь Беллини интересам собственного клана? Ради чего? Ради любви? Не смей меня, Бьянка.

— Он не такой.

— Тогда позвони ему и спроси.

От спокойной уверенности Данте ей стало страшно.

— Ты всё это придумал.

— В таком случае он без труда меня опровергнет.

Бьянка смотрела на него, чувствуя, как страх, который она не подпускала к себе последние недели, поднимается всё выше.

— Он любит меня.

— Деньги и власть он любит сильнее.

— Нет!

Она бросилась на Данте с кулаками.

— Ты врёшь!

Он перехватил её руки, развернул и прижал спиной к своей груди, не позволяя ударить снова. Бьянка рванулась, пытаясь освободиться, но его хватка лишь стала крепче.

— Тише, — произнёс Данте возле самого её уха.

— Отпусти меня! Он не такой!

— Он не отвечает тебе, верно?

Она перестала вырываться лишь на мгновение, но Данте этого хватило.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ему нечего тебе сказать. Рицци не может признаться, что отец уже выбрал для него жену, но и пойти против семьи у него не хватает смелости. Он будет просить у тебя время до тех пор, пока всё не решат без него, а потом скажет, что у него не было выбора.

— Ты ничего о нём не знаешь.

— Я знаю достаточно. Мужчина либо принимает решение, либо ищет оправдания. Рицци только обещает, а потом бежит к отцу, чтобы тот решил все его проблемы.

— Замолчи.

— Если бы он действительно хотел тебя, то забрал бы в тот же день, когда узнал о предстоящей свадьбе. Приехал бы к твоему дому, увёз и женился, не спрашивая разрешения ни у Беллини, ни у Рицци. Так поступает мужчина, которому нужна женщина, а он до сих пор просит тебя подождать.

Перед глазами Бьянки возник старый склад у порта. Она вспомнила, как пришла туда с рюкзаком, готовая остаться с Марко, бежать и отказаться от всего. Тогда она сама предложила ему пожениться, а он ответил, что сейчас неподходящее время, что нужно всё обдумать и получить согласие отца.

Ему всегда требовалось время.

— Отпусти меня.

На этот раз Данте разжал руки. Едва освободившись, Бьянка бросилась прочь. Охранники двинулись за ней, но Данте остановил их коротким жестом.

Она забежала за угол университетского корпуса и прижалась спиной к холодной стене. Пальцы дрожали так сильно, что она не сразу попала по нужному имени в списке контактов.

Марко снова не ответил. Бьянка тут же набрала его номер ещё раз, но услышала те же бесконечные гудки, тогда она открыла переписку и написала:

«Марко, пожалуйста, ответь, ты женишься на другой. Это правда?»

Сообщение было доставлено почти сразу. Через несколько минут возле имени Марко появился знак, что он находится в сети. Бьянка перестала дышать, увидев, как внизу экрана возникло: «печатает...»

Надпись исчезла, затем появилась снова. Марко набирал ответ, стирал его и начинал заново. Каждая секунда ожидания растягивалась до бесконечности. Бьянка смотрела на экран и повторяла про себя только одно: «Скажи, что это ложь. Просто скажи, что он солгал».

Наконец телефон коротко завибрировал.

«Бьянка, прости. Я хотел тебе рассказать, но пока сам не знаю, что делать. Отец действительно рассматривает союз с Альери. Положение нашего клана ужасное, и у нас почти не осталось другого выхода, на кону моя семья и всё, что строили несколько поколений. Отец должен видеть, что я вырос и достоин стать его преемником. Я ещё ничего окончательно не решил. Возможно, всё обойдётся без свадьбы, но я обещаю, что найду способ забрать тебя и мы будем вместе. Просто дай мне ещё немного времени. Верь мне».

Бьянка прочитала сообщение один раз, затем второй и третий. С каждым прочтением отдельные слова будто становились тяжелее. «Отец действительно рассматривает». «Почти не осталось выхода». «Достойн стать преемником». «Дай ещё немного времени».

Марко не написал, что откажется. Не написал, что выбрал её, даже сейчас он снова просил подождать.

Данте оказался прав.

Сначала пришёл шок, оглушительный и почти безболезненный. Бьянка просто стояла, глядя на экран и не чувствуя ничего. Затем к горлу подступила злость, смешанная с таким унижением, что ей стало трудно дышать. Она отдала Марко свою невинность, поверила каждому обещанию и была готова бросить ради него всю жизнь, а он не нашёл в себе смелости даже самостоятельно рассказать ей о другой невесте.

Она сползла по стене и села прямо на землю. Слёзы потекли сами собой, но Бьянка даже не пыталась их вытереть. Всё, за что она держалась последние месяцы, рушилось внутри с пугающей тишиной.

Через некоторое время рядом раздались шаги. Бьянка подняла голову и увидела Данте. Он остановился напротив, несколько секунд молча смотрел на неё, а затем опустил на корточки и достал из кармана белоснежный платок.

На его лице не было торжества, он уже получил доказательство своей правоты и теперь мог позволить себе осторожность.

— Вытри слёзы, — тихо сказал Данте. — Поверь, этот человек их не заслуживает.

Бьянка не взяла платок. Тогда он сам осторожно промокнул её мокрые щёки. Это почти нежное прикосновение после всего, что он только что сделал, казалось особенно жестоким.

— Ты знал, — прошептала она. — Ты знал, что он ответит именно так.

— Я знал, какой выбор ему предложили.

Он убрал с её лица последнюю слезу и взял за подбородок, заставляя посмотреть на себя.

— Запомни одну вещь. Мужчина либо выбирает тебя каждый день, что бы ни случилось, либо объясняет, почему сегодня не смог. Он будет кормить тебя обещаниями до тех пор, пока ты сама не перестанешь ждать.

Слова снова причинили боль, но теперь Бьянка уже не могла назвать их ложью.

Данте поднялся и протянул ей руку.

— Вставай. Я отвезу тебя домой.

Она не стала спорить. Пальцы Бьянки были ледяными и почти не слушались, когда Данте сжал их в своей ладони. Он помог ей подняться и повёл к машине, а она шла рядом механически, не потому что согласилась или смирилась, а потому что внутри не осталось сил для борьбы.

Когда машина тронулась, Бьянка отвернулась к окну. Она всё равно ждала, глупая надежда отказывалась умирать даже после сообщения Марко.

Сейчас его машина появится впереди и перегородит им дорогу. Сейчас он позвонит, потребует остановиться или приедет к дому. Он ведь говорил, что любит её. Клялся, что никому не отдаст и обязательно найдёт выход.

За окном мелькали знакомые улицы, старые дома и вытянувшиеся вдоль дороги кипарисы, но ничего не происходило. Телефон лежал в руке Бьянки, однако экран больше не загорался.

С каждой минутой внутри неё умирало что-то важное. Сначала надежда, затем вера в его обещания, а следом и вера в любовь, ради которой она ещё недавно была готова отказаться от всего.

Когда машина остановилась возле дома, Данте открыл перед ней дверь. Бьянка не посмотрела на него, не поблагодарила и даже не бросила привычного оскорбления. Она просто вышла, поднялась в свою комнату и закрыла дверь.

Только оставшись одна, она окончательно сломалась, она опустилась на пол рядом с кроватью, уткнувшись лицом в покрывало. Слезы текли из глаз нескончаемым потоком, она задыхалась, позволяя себе прожить эту боль. В памяти один за другим возникали счастливые моменты. Марко, улыбающийся ей на пляже. Его губы у её виска на закате. Тёплые руки, которые так нежно гладили её волосы, его обещания забрать её и никогда никому не отдать. Тогда Бьянка верила каждому слову, потому что не допускала мысли, что для Марко они могут ничего не значить.

Теперь он не пришёл, не позвонил и не выбрал её.

Следующие дни превратились в бесконечный серый туман. Бьянка почти не выходила из комнаты, не спускалась к ужину и не включала музыку, потому что каждая песня напоминала о прошлом. Мать приносила еду и заставляла её съесть хотя бы несколько ложек, но всё казалось безвкусным.

Каждое утро Бьянка первым делом тянулась к телефону. Она проверяла сообщения, пропущенные звонки и все приложения, в которых Марко мог оставить хотя бы слово. Днём заставляла себя отложить телефон, но уже через несколько минут снова брала его и смотрела на тёмный экран.

Марко молчал.

Сначала Бьянка находила этому объяснения. Возможно, он боялся, что она не станет разговаривать. Возможно, спорил с отцом или готовил побег и не хотел подвергать её опасности. Она цеплялась за любую версию, позволявшую ещё немного не признавать правду.

Иногда ей казалось, что ночью Марко появится под окнами, попросит прощения и скажет, что отказался от брака. Она представляла, как он забирает её, и всё произошедшее оказывается страшной ошибкой, но дни проходили, а его машина так и не появлялась у ворот.

Постепенно слёзы сменились злостью. Бьянке хотелось разбить телефон, ворваться в дом Рицци и потребовать ответа. Затем ярость снова уступала место отчаянию, и она часами лежала на кровати, повторяя про себя: «Он не выбрал тебя».

Слова Данте тоже не выходили из головы. Она ненавидела его за высокомерие, жестокое спокойствие и уверенность, с которой он разрушил всё, во что она верила, но ещё сильнее Бьянка ненавидела его за то, что с каждым днём его слова всё меньше походили на ложь.

Однажды вечером Бьянка открыла галерею в телефоне. Там хранились сотни фотографий, целая история их любви. Бьянка остановилась на последней фотографии и долго всмат-

ривалась в его лицо. Ещё недавно она отдала бы всё, чтобы вернуться в тот день, но теперь каждый снимок казался доказательством того, как легко она позволила себя обмануть.

Палец завис над кнопкой «Удалить». Нажать на неё означало признать, что чуда не будет.

Бьянка закрыла глаза и удалила фотографию. Затем вторую и третью. Иногда она останавливалась, перечитывала подписи и позволяла себе последний раз вспомнить тот день, но потом всё равно нажимала кнопку. Когда галерея опустела, ей показалось, будто она собственными руками похоронила часть своей жизни.

После фотографий Бьянка открыла контакты и нашла имя Марко. Сердце билось сильно и болезненно. Если она заблокирует его, то может не увидеть сообщение, которого ждала столько дней, но именно эта надежда продолжала удерживать её в прошлом.

Она нажала «Заблокировать контакт».

Экран мигнул, и всё закончилось.

Бьянка закрыла глаза. Внутри не осталось облегчения, только гулкая холодная пустота. Марко был её первой любовью, первым мужчиной, которому она подарила свое сердце, свою невинность, он был человеком, с которым она собиралась прожить всю жизнь. Она отдала ему мечты, надежды и веру в то, что любовь способна победить всё.

Он не сделал ради неё даже одного шага.

Что, если Марко никогда не собирался на ней жениться? Что, если его обещания были нужны лишь для того, чтобы удерживать её рядом, пока отношения оставались лёгкими и ничего от него не требовали?

Из размышлений Бьянку вырвал стук в дверь. Она не успела ответить, когда в комнату заглянул отец. Увидев её заплаканное лицо, Антонио перестал улыбаться.

— Бьянка, что с тобой? Почему ты плачешь?

Она отвернулась к окну и быстро вытерла щёки.

— Ничего. Папа, уйди, пожалуйста. Я не хочу никого видеть.

— Тебя кто-то обидел?

— Я сказала, что всё в порядке. Просто оставь меня одну.

Антонио несколько секунд смотрел на дочь, а затем внёс в комнату несколько коробок и осторожно поставил их на туалетный столик.

— Данте приезжал сегодня. Спрашивал, почему ты не спустилась к ужину, и передал тебе подарки к помолвке. Посмотри, сколько всего. Дочка, ты ещё не понимаешь, как он к тебе относится, мужчина вроде Данте не стал бы уделять столько внимания женщине, которая ему безразлична.

— Мне ничего от него не нужно.

— Ты сейчас злишься, но хотя бы посмотри. Думаю, всё это стоит целое состояние.

— Папа, пожалуйста, уйди. Я хочу побыть одна.

Антонио хотел что-то добавить, но, заметив новые слёзы на её щеках, передумал.

— Хорошо. Я оставлю всё здесь.

Когда дверь закрылась, Бьянка ещё несколько секунд стояла посреди комнаты, глядя на разложенные перед ней коробки. Потом резко вытерла мокрые щёки ладонями, но слёзы продолжали течь, и это только сильнее её злило.

Всё происходящее казалось каким-то кошмаром, из которого она никак не могла проснуться. Ещё совсем недавно у неё была собственная жизнь, университет, работа, Марко, планы, которые она строила сама. Теперь же в её комнате лежали подарки от мужчины, которого она не выбирала, а все вокруг говорили о её будущем так, словно самой Бьянки в этом будущем вообще не существовало.

Она села на край кровати и закрыла лицо руками.

— Я не хочу этого, — прошептала она, а через мгновение повторила уже громче: — Я не хочу!

Бьянка вскочила и заходила по комнате. Слёзы мешали видеть, дыхание сбивалось, руки дрожали. Ей хотелось что-нибудь сделать, закричать так громко, чтобы наконец услышали, разбить окно, сбежать из дома. Всё что угодно, лишь бы перестать чувствовать себя человеком, чью жизнь уже расписали без его согласия.

Особенно отчётливо перед глазами снова возник Данте. Его спокойное лицо, уверенный взгляд, раздражающее «ты станешь моей женой», произнесённое так, будто её мнение действительно ничего не значило. Он приходил в её дом, разговаривал с её отцом, выбирал для неё украшения, платье, решал, как будет выглядеть их помолвка, и при этом оставался совершенно невозмутимым, сколько бы она ни сопротивлялась.

Она схватила с туалетного столика флакон духов и едва не швырнула его в стену, но в последний момент остановилась. Несколько секунд простояла с ним в руке, тяжело дыша, а затем с силой поставила обратно. От собственного бессилия хотелось кричать ещё сильнее.

В конце концов слёзы закончились сами. Бьянка опустилась на пол возле кровати и долго сидела там, подтянув колени к груди, пока дыхание постепенно не выровнялось, а ярость не сменилась тяжёлой усталостью.

Только тогда она снова посмотрела на подарки.

Несколько коробок стояли на столе, ещё две отец оставил на кресле. Бьянка нехотя поднялась и подошла ближе. В одной лежал тонкий браслет из крупных бриллиантов, в другой — длинные серьги, в третьей — кольцо с голубым камнем в центре. Даже не разбираясь особенно

хорошо в драгоценностях, она понимала, что отец был прав: всё это наверняка стоило целое состояние.

Последней она открыла самую большую коробку.
Внутри лежало чёрное шёлковое платье.
То самое.

Бьянка застыла, узнав фасон, который Данте описывал ей тогда. Чёрное, длинное, закрытое, подчёркивающее фигуру. Он действительно выбрал его сам. Не пошутил, не пытался просто вывести её из себя. Он решил, в каком платье она появится на собственной помолвке, и отправил его ей так, словно вопрос уже окончательно закрыт.

Несколько минут назад ей казалось, что сил злиться больше не осталось.

Она ошибалась.

Бьянка схватила коробку с браслетом и швырнула её в стену. Следом полетела вторая, затем третья. Бархатные футляры раскрылись от удара, драгоценности рассыпались по ковру, серьга отлетела под кресло, но Бьянка даже не посмотрела в их сторону.

Она выдернула платье из коробки.

— Я не надену то, что ты выбрал! — выкрикнула она, словно Данте мог её услышать.
— Я не твоя кукла!

Бьянка вцепилась пальцами в тонкий шёлк и рванула его обеими руками. С первого раза ткань не поддавалась, что разозлило её ещё сильнее. Она дёрнула снова, до боли в пальцах, и наконец услышала сухой треск. Шёлк разошёлся по шву.

Она замерла, тяжело дыша, а потом рванула ещё раз.

Когда платье оказалось на полу, Бьянка несколько секунд смотрела на него, чувствуя странное, почти детское удовлетворение. Данте хотел, чтобы она надела его на помолвку. Теперь не наденет.

Она уже собиралась отвернуться, когда среди разбросанной упаковки заметила что-то ещё.

Небольшой свёрток лежал почти незаметно между бархатными коробками. Он был завернут в плотный пожелтевший пергамент и перевязан тёмной лентой.

Она нахмурилась, подняла его с пола и несколько секунд повертела в руках.
Затем развязала ленту и осторожно развернула пергамент.

Внутри оказалась старинная книга в потёртом кожаном переплёте с вытисненным на корешке названием на латыни. Это был редкий трактат о реставрации арабских рукописей. Бьянка встречала упоминания о нём в старых каталогах, однако сохранившиеся экземпляры находились преимущественно в закрытых частных собраниях и почти никогда не выставлялись на продажу.

Она осторожно провела пальцами по переплёту. Бьянка не могла определить издание без тщательного изучения, но уже понимала, насколько редкая книга оказалась у неё в руках. Чтобы достать её, Данте наверняка пришлось разыскать владельца частной коллекции и заплатить баснословные деньги.

Между страницами лежала записка, написанная аккуратным почерком:

«Ты сказала, что я слишком тупой, чтобы понять, чем ты занимаешься. Считай, что это подарок к помолвке».

Бьянка должна была бросить книгу вслед за украшениями, но не смогла. Её пальцы лишь осторожнее сжали старый переплёт. Разозлившись на себя, она открыла ящик прикроватной тумбочки, положила книгу внутрь и захлопнула его, она не примет подарок и не позволит Данте решить, что сумел её купить.

Её взгляд снова упал на разорванный чёрный шёлк, и в памяти прозвучал его голос: «Тебе пойдёт чёрное платье. Оно должно подчёркивать каждый изгиб. И никакого белья».

— Нет, Моретти, — прошептала Бьянка. — Не будет ни платья, ни праздника, ни помолвки. Ничего из того, что ты задумал.

Глава 4

Дни перед помолвкой превратились в нескончаемую суматоху, от которой Бьянке хотелось запереться в своей комнате и не выходить до тех пор, пока всё не закончится. Обычно подобные события отмечали в тесном семейном кругу: устраивали тихий ужин, приглашали только самых близких и обходились без лишней помпезности, однако на этот раз отец настоял на том, чтобы всё прошло по высшему разряду. Он собирался пригласить родственников, ближайших союзников и представителей дружественных кланов, словно речь шла не о помолвке дочери, а о заключении важнейшего политического союза.

Витторио, отец Данте, полностью поддержал его идею, поскольку считал, что помолвка старшего сына должна пройти торжественно, с соблюдением всех семейных традиций. Данте предстояло унаследовать власть и однажды возглавить семью Моретти, поэтому такое событие нельзя было скрывать или отмечать скромно, будто оно не имело особого значения.

Подготовка захватила весь дом. Мать с утра до вечера сияла улыбкой, распоряжаясь, куда поставить цветы, какой скатертью накрыть стол и какие блюда обязательно должны появиться перед гостями. Почти каждый день приезжали новые люди: одни украшали комнаты, другие обсуждали меню, третьи передвигали мебель и спорили о том, где лучше разместить столы. Отец ходил по дому с подчёркнуто важным видом, обсуждал с помощниками рассадку гостей, меню и порядок проведения церемонии, а затем лично проверял каждую мелочь, опасаясь, что кто-нибудь допустит ошибку и опозорит семью перед Моретти.

Даже сёстры Бьянки, стараясь казаться равнодушными, не могли скрыть зависти. Она замечала их долгие взгляды, слышала приглушённые разговоры за дверями и прекрасно понимала, что каждая из них с радостью оказалась бы на её месте. Для них будущий брак с Данте Моретти означал богатство, положение и влияние, тогда как для самой Бьянки он становился ловушкой.

Её бесило, что все вокруг суетились, улыбались и обсуждали предстоящее торжество с таким воодушевлением, словно происходящее должно было сделать её счастливой. Никому не приходило в голову спросить, чего хочет она сама, поскольку её желания в этой семье никогда не считались достаточно весомыми, когда на кону стояли выгода, положение и одобрение более могущественного клана.

За последние месяцы в жизни Бьянки изменилось слишком многое, и она до сих пор не успела привыкнуть что теперь все иначе. Сначала появилась новость о свадьбе, затем произошло расставание с Марко, о котором она изо всех сил старалась не думать. Иногда слёзы подкатывали совершенно неожиданно, а рука сама тянулась к телефону и каждый раз Бьянка заставляла себя остановиться и включить холодный разум, напоминая себе, какой выбор сделал Марко и как легко позволил семье решить за него.

Она убеждала себя, что теперь сосредоточится на экзаменах и подготовке к диплому, поскольку учёба оставалась единственной частью её жизни, которая пока принадлежала только ей. Приближающаяся помолвка всё равно становилась всё реальнее, а больше всего Бьянку пугала собственная беспомощность.

С того дня, когда они встретились возле университета, она больше не видела Данте, и его отсутствие приносило странное, почти физическое облегчение. В доме не звучал его голос, на лестнице не появлялась его высокая фигура, а в воздухе не оставалось запаха проклятого одеколона, который почему-то преследовал её даже тогда, когда его самого не было рядом. Благодаря этой тишине Бьянка почти могла притвориться, что ничего не происходит, что никакой свадьбы не будет и что Данте Моретти не собирается методично забирать её жизнь себе.

Мать разрушала эту иллюзию по несколько раз в день, заходя к ней без приглашения и начиная перечислять всё, что уже успели подготовить и сегодня не было исключения.

— Мне это неинтересно, — говорила она, даже не подняв головы, надеясь, что мать поймёт намёк и оставит её в покое.

Мать всё равно не унималась. Она подошла к столу, на краю которого лежали украшения, присланные Данте, осторожно взяла одно из них и поднесла ближе к лампе, чтобы бриллианты заиграли в тёплом свете.

— Дочка, ты хотя бы посмотри, какая это красота, — с восхищением проговорила она. — В них ты будешь великолепна. Ты уже решила, какое платье наденешь? Каждая девушка мечтает о таком союзе, а ты даже не представляешь, насколько тебе повезло.

— Мама, я не хочу больше ничего об этом слышать! — закричала Бьянка, хотя раньше никогда не позволяла себе повышать на неё голос.

Слова вырвались прежде, чем она успела остановиться. Мать вздрогнула, медленно положила украшение на место и посмотрела на дочь с такой неподдельной обидой, что Бьянке на мгновение стало стыдно, однако извиниться она не смогла. Мать тяжело вздохнула и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Оставшись одна, Бьянка некоторое время неподвижно сидела за столом, пытаясь успокоить сбившееся дыхание, а затем её взгляд вновь упал на бриллианты. Холодные, равнодушные и безумно дорогие камни блестели под светом лампы, словно заранее праздновали её поражение. Бьянка вспомнила самодовольный голос Данте и то, как спокойно он распорядился: «Я думаю, тебе пойдёт чёрное платье»

— Нет, Моретти, всё будет не так, как ты задумал.

Бьянка не знала, как именно сможет ему помешать и что следует сделать, чтобы сорвать помолвку хотя бы на время. Она перебирала один вариант за другим, однако каждый казался либо бессмысленным, либо слишком опасным, а затем в голове неожиданно мелькнула простая и отчаянная мысль: притвориться больной.

План был глупым, почти детским, и Бьянка прекрасно это понимала, однако другого выхода она не видела. Болезнь могла стать единственной причиной, с которой её отец не сумел бы спорить, особенно если она убедит мать, что не способна даже подняться с постели.

На следующее утро Бьянка приступила к исполнению задуманного. Она нагревала градусник на батарее, растирала лицо, чтобы кожа казалась воспалённой, а тенями нарисовала под глазами нездоровые круги. Каждый раз, когда за дверью раздавались шаги, она принималась

кашлять, после чего снова ложилась и натягивала одеяло до подбородка. Когда мать наконец вошла, Бьянка лежала с бледным лицом, тяжело дышала и старалась выглядеть человеком, которому каждое движение даётся с огромным трудом.

— Дочка, как ты себя чувствуешь? — встревоженно спросила мать, сразу приблизившись к кровати.

— Плохо, — едва слышно прошептала Бьянка. — Голова кружится, сил совсем нет, ещё и горло болит. Наверное, у меня температура.

Мать коснулась её лба, нахмурилась и тут же отправилась за градусником. Бьянка отвернулась к стене, чувствуя, как от стыда начинают гореть щёки, поскольку лгать она совершенно не умела. Ей было неловко разыгрывать этот спектакль перед человеком, который искренне за неё переживал, однако возможность самой проконтролировать хотя бы что-нибудь в собственной жизни оказалась сильнее угрызений совести.

— Дочка, давай вызовем врача, — предложила мать, снова потрогав её лоб. — Температуры вроде нет, хотя ты выглядишь плохо. Может быть, у тебя ангина?

— Не надо врача, мам, всё в порядке, — Бьянка слабо пошевелила рукой, изображая крайнюю усталость. — Мне, наверное, нужно больше пить и просто отлежаться. Я могла заразиться в университете, потому что моя сокурсница недавно подхватила какой-то страшный грипп, а я как раз сидела рядом с ней. Лекарства у меня есть, к тому же, скорее всего, сказался стресс из-за экзаменов и помолвки. Несколько дней покоя, и всё пройдёт.

Мать напряжённо задумалась, продолжая вглядываться в её лицо.

— Возможно, твой организм действительно не выдержал, — с тревогой произнесла она, а затем растерянно оглянулась, словно ответ на главную проблему мог найтись где-нибудь в комнате. — Только что теперь делать с помолвкой? Если ты не поправишься за ближайшие дни, нам придётся всё отменять, хотя гостей уже пригласили и почти всё подготовили. Ты ведь знаешь, что этот день выбрали не случайно.

— Я знаю, мама, — тихо ответила Бьянка, заставляя голос звучать слабым и незащищённым. — Я же не могу появиться перед гостями в таком состоянии. Я едва стою на ногах, буду кашлять, чихать, выглядеть ужасно, а потом ещё кого-нибудь заражу. Все решат, что я не уважаю ни гостей, ни семью жениха.

Мать явно представила подобную катастрофу и нахмурилась ещё сильнее.

— Ты права, в таком виде показываться нельзя, поэтому придётся что-нибудь придумать.

— Может быть, мы просто перенесём помолвку? — осторожно предложила Бьянка. — После экзаменов я уже точно поправлюсь, и через пару месяцев всё можно будет устроить заново.

Мать ничего не ответила, только тяжело вздохнула, покачала головой и вышла из комнаты, оставив дочь одну. Когда дверь закрылась, Бьянка откинулась на подушки и прикрыла глаза, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Всё это было глупо, по-детски и даже уни-

зительно, однако другого оружия у неё не осталось, поэтому приходилось пользоваться этой маленькой и жалкой ложью.

Она испытывала настоящий стыд все два дня, в течение которых продолжала симулировать болезнь. Мать носилась с ней, приносила лекарства, поила чаем с мёдом и малиной, а Бьянке приходилось глотать приторно-сладкий сироп от кашля, от которого её действительно начинало мутить, пользоваться спреем для носа и полоскать совершенно здоровое горло горьким травяным настоем. Она изображала слабость, говорила тихим голосом и делала вид, что устает даже от попытки сесть, поэтому к назначенному дню никто не мог уверенно сказать, что ей стало лучше.

— Она так и не поправилась, — сообщила мать отцу, тревожно поглядывая в сторону комнаты Бьянки.

Отец тяжело вздохнул, потёр переносицу и направился к дочери. По его быстрым шагам она заранее поняла, что спокойного разговора не получится. Когда он вошёл, в его лице читались усталость и разочарование, а сдерживаемое раздражение заставляло его голос звучать почти как крик.

— Как это вообще могло произойти, Бьянка? — потребовал он ответа. — Как можно было заболеть непосредственно перед таким важным событием? На улице стоит жара, настоящая жара, поэтому я не понимаю, где ты умудрилась так простыть.

— Папа, мне действительно плохо, и я в этом не виновата, — прошептала она, плотнее кутаясь в одеяло и стараясь выглядеть как можно более несчастной.

— Хорошо, мы и без того тянули до последнего, надеясь, что тебе станет лучше, — раздражённо отозвался отец и прошёл по комнате. — Я сообщу всем, что торжество переносится.

Бьянка едва не улыбнулась, однако отец внезапно остановился и посмотрел на неё тяжёлым взглядом.

— Ты должна понимать, что мы не случайно выбрали именно этот день. У Витторио и Данте впереди важные дела: сначала срочные вопросы в Калабрии, затем поездка в Марокко и переговоры в Риме. Следующие несколько месяцев Моретти даже не будет в городе. За это время Данте может передумать, а Витторио — найти для него другую партию, после чего всё, чего я добивался, рухнет. Ты понимаешь, чем это грозит нашей семье?

— Если за несколько месяцев он успеет передумать, значит, это просто не судьба, — тихо произнесла Бьянка, пряча взгляд, чтобы отец не увидел промелькнувшего в нём торжества.

Он глубоко вдохнул, явно сдерживая новый всплеск гнева, после чего сухо велел ей выздоравливать и вышел, с такой силой захлопнув дверь, что задрожали стёкла.

Оставшись одна, Бьянка уткнулась лицом в подушку и наконец позволила себе улыбнуться. Ей удалось предотвратить помолвку или хотя бы отодвинуть её на несколько месяцев, а сейчас этого было достаточно. Она понимала, что проблема никуда не исчезла, однако впервые за долгое время у неё появилось время, за которое можно было придумать новый выход.

О Марко Бьянка старалась не думать, поскольку надежда на него причиняла больше боли, чем его отсутствие. Она обязательно найдёт другой способ, ведь выход должен был существовать, даже если сейчас она его не видела.

Закрыв глаза, Бьянка почувствовала, как внутри впервые за последние недели разливается осторожное тепло. Это ещё не было настоящей свободой, всего лишь короткой передышкой, вырванной при помощи нелепого обмана, однако один раунд она всё-таки выиграла.

Поздним вечером мать принесла ей чай с мёдом и лимоном. Бьянка лежала в постели, укрытая пледом до подбородка, и старательно изображала больную.

Мать поставила поднос на прикроватную тумбочку, внимательно осмотрела дочь и с облегчением улыбнулась.

— Кажется, тебе уже немного лучше.

— Совсем немного, — ответила Бьянка, кашлянув в кулак и устало прикрыв глаза. — Слабость всё ещё не прошла.

Внутри у неё всё ликовало, поскольку торжество отменили, а значит, её маленькая хитрость сработала именно так, как она рассчитывала.

Мать присела рядом и ласково погладила её по волосам.

— Не переживай, дорогая, помолвка никуда не денется, её просто перенесут.

Бьянка едва удержалась от довольной улыбки.

— Ничего страшного, мама. Возможно, так даже лучше, потому что у меня скоро экзамены и появится больше времени на подготовку.

В этот момент в дверь постучали, а спустя несколько секунд в комнату вошёл отец. Один взгляд на его лицо заставил Бьянку насторожиться: он выглядел слишком оживлённым для человека, который совсем недавно был вынужден отменить столь важное торжество.

— Бьянка, ты можешь спуститься вниз? — спросил он.

— Зачем мне спускаться, если я больна?

— Семья Моретти приехала.

Её довольная улыбка исчезла настолько быстро, словно её никогда и не было.

— Что значит приехала?

— Внизу находятся Витторио, Данте и Матео, — пояснил отец, избегая её растерянного взгляда.

Бьянка резко села на кровати, совершенно забыв, что должна изображать слабость.

— Зачем они здесь? Разве вы не отменили помолвку?

Отец помедлил, прежде чем ответить, и именно эта короткая пауза окончательно разрушила её недавнее торжество.

— Спустись всего на несколько минут.

— Папа, я больна и не могу принимать гостей.

— Тем более не заставляй их ждать, — отчеканил он, и прозвучавшая в голосе сталь ясно дала понять, что спорить бесполезно.

Через несколько минут Бьянка стояла перед зеркалом, лихорадочно пытаясь понять, чего добиваются Моретти. Волосы она собрала в нарочито небрежный пучок, а переодеваться даже не подумала, оставшись в мягких домашних штанах с нелепым принтом и огромной серой толстовке на молнии, застёгнутой почти до подбородка.

Она медленно спустилась по лестнице, прислушиваясь к голосам, доносившимся из гостиной. Когда Бьянка оказалась на последних ступеньках, Данте уже смотрел на неё, а его внимательный взгляд спокойно скользнул по небрежному пучку, бесформенной толстовке и домашним штанам.

— Надо же, — протянул он с лёгкой насмешкой. — Для смертельно больного человека ты выглядишь удивительно живой и здоровой, у тебя даже румянец на щеках появился.

Бьянка не удостоила его ответом, гордо подняла подбородок и прошла в гостиную, обратившись исключительно к Витторио и Матео.

— Прошу простить мой внешний вид, однако мой организм оказался слабее семейных обязательств.

На всякий случай она демонстративно кашлянула в кулак. Матео едва заметно усмехнулся и тут же опустил взгляд, чтобы не выдать себя окончательно, а Витторио добродушно покачал головой.

— Не переживай, дочка, мы приехали не ради твоего внешнего вида.

— В любом случае простите, что всё сорвалось из-за меня, — продолжила Бьянка, чувствуя, как внутри вновь оживает осторожное торжество. — Очевидно, помолвку придётся перенести, как и свадьбу, поскольку у меня впереди экзамены и диплом, а со всем этим сразу я не справлюсь.

Она бросила на Данте короткий насмешливый взгляд, в котором без слов читалось: на этот раз у тебя ничего не получилось.

— Если вы не возражаете, я вернусь к себе, потому что действительно плохо себя чувствую, — добавила она и направилась к двери, уже ощущая почти забытый вкус победы.

Бьянка успела сделать всего один шаг, когда Данте заговорил раньше, чем её отец открыл рот.

— Нет, ты останешься здесь.

Она остановилась, медленно повернулась к нему и встретила с совершенно спокойным взглядом, который не обещал ей ничего хорошего.

— Сегодня должна состояться наша помолвка, — сообщил Данте таким тоном, словно речь шла о чём-то давно решённом и не подлежащем обсуждению.

В гостиной стало настолько тихо, что Бьянка услышала потрескивание дров в камине, неровное дыхание матери и удары собственного сердца. На мгновение оно словно замерло, а затем забило где-то в горле, мешая вдохнуть.

— Что ты сказал?

— Торжество отменяется, поскольку ты не в состоянии присутствовать на нём, — невозмутимо объяснил Данте. — Сама помолвка состоится.

Он сделал шаг вперёд, затем ещё один, неторопливо сокращая расстояние между ними. Бьянка не отступила, хотя ноги словно приросли к полу, а по спине пробежал холод, потому что в его глазах не было ни тени сомнения. Данте знал о её обмане, приехал сюда подготовленным и снова оказался на несколько шагов впереди.

Бьянка перевела взгляд на отца, затем на мать, Витторио и Матео, отчаянно надеясь заметить на их лицах хотя бы удивление, однако все присутствующие уже знали, зачем приехала семья Моретти. Это был не неожиданный визит, а заранее подготовленный ответ на её попытку сорвать помолвку.

— В нашей семье существует давняя традиция, — торжественно произнёс Витторио, поднимаясь с кресла.

Данте достал из внутреннего кармана небольшую чёрную коробочку и открыл её. Внутри лежало не просто дорогое украшение, а старинное тяжёлое кольцо, покрытое платиной. В центре сиял крупный бриллиант старинной огранки, окружённый россыпью более мелких камней, а по бокам оправы были выгравированы два вставших на дыбы льва и герб Моретти. На внутренней стороне тонкими буквами шла латинская надпись: «Fortitudo et Sanguis» — «Сила и Кровь».

— Когда мужчина выбирает женщину, которая будет носить его фамилию, он вручает ей кольцо рода, — продолжил Витторио, и его голос приобрёл почти ритуальное звучание.

Бьянка почувствовала, как холод проникает всё глубже, кровь отливает от лица, а пальцы становятся ледяными.

— Нет, — едва слышно выдохнула она, почти не разжимая губ.

Данте приблизился и взял её за руку крепко, с абсолютной уверенностью человека, которому никто и никогда не смел отказывать. Её пальцы дрожали в его ладони, и он не мог этого не заметить, однако его хватка осталась такой же твёрдой.

— Синьор Беллини, — официально произнёс Данте, глядя при этом не на отца, а прямо в глаза Бьянке. — Перед лицом наших семей, перед памятью предков и перед Богом я прошу руки вашей дочери. Я клянусь защищать её, заботиться о ней и никогда не позволять никому причинить ей вред. Я предлагаю ей своё имя и свой дом.

Лишь закончив, он перевёл взгляд на Антонио. Отец Бьянки поднялся с кресла и выпрямился, стараясь сохранять достоинство, хотя от волнения его голос слегка дрожал.

— Для нашей семьи это великая честь, и я даю своё согласие на этот брак.

В комнате воцарилась торжественная, почти священная тишина, в которой никто не осмеливался пошевелиться. Мать Бьянки смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами и, казалось, даже перестала дышать.

Данте снова повернулся к Бьянке.

— Ты принимаешь это кольцо?

Сердце болезненно ударилось о рёбра, а пальцы свободной руки невольно сжались в кулак. Бьянка молчала, продолжая смотреть на него с отчаянием и яростью, словно одним взглядом могла заставить отступить.

— Скажи свой ответ вслух, Бьянка, — потребовал Данте.

Его голос оставался ровным и негромким, однако за внешним спокойствием скрывалось нечто гораздо сильнее обычного приказа. Старая традиция требовала, чтобы последнее слово осталось за женщиной, хотя бы для вида и ради того, чтобы все присутствующие могли притвориться, будто у неё действительно есть выбор.

Все взгляды устремились на неё, а время словно остановилось. Бьянка смотрела на кольцо, на его холодный блеск, старинную гравировку и герб семьи Моретти, пытаясь понять, какое из двух решений причинит меньше вреда.

Если она скажет «нет», отец придёт в ярость, устроит скандал и обвинит её в том, что она опозорила семью перед самыми влиятельными людьми в их кругу. Он обязательно напомнит, что зря позволил ей учиться, после чего запрет дома и лишит последних остатков свободы. Мать расплатится, Витторио воспримет отказ как оскорбление, а реакцию Данте Бьянка даже не могла предугадать. Она знала только одно: он не отступит и обязательно найдёт другой способ заставить её согласиться.

Если она ответит «да», всё происходящее окончательно станет реальностью. Кольцо сомкнётся на её пальце, после чего последуют помолвка, свадьба, дом Данте, его фамилия и дети, которых он уже успел распланировать, словно она не была отдельным человеком со своими мечтами и желаниями. Её ждала жизнь, которую она не выбирала, рядом с мужчиной, которого хотела ненавидеть всей душой.

Ни один из вариантов не давал ей спасения, поскольку в любом случае она проигрывала, а различие заключалось лишь в том, случится это с открытым скандалом или в окружении довольных родственников.

Бьянке хотелось закричать «нет», вырвать руку и бросить Данте в лицо всё, что она о нём думает, однако вокруг стояли их семьи. Отец смотрел на неё почти умоляюще, боясь, что дочь одним словом разрушит мечту, к которой он шёл долгие годы. Мать уже представляла будущую свадьбу и внуков, Витторио не привык к отказам, а Данте с самого начала знал, что при всех она не посмеет устроить сцену.

Смущение, стыд, ярость и бессилие смешались в груди в тугой болезненный ком, не позволявший нормально дышать. Бьянка опустила глаза, потому что больше не могла выдерживать его спокойный взгляд, тогда как мысли метались, словно загнанные в ловушку звери: сказать «нет» она не могла, произнести «да» было невыносимо, бежать оказалось некуда, а молчание всё равно приняли бы за согласие.

Пауза затянулась, и в этой тишине Бьянка окончательно поняла, что проиграла.

— Я принимаю, — прошептала она одними губами и закрыла глаза, надеясь хотя бы на несколько мгновений перестать видеть эти лица, кольцо и человека, снова заставившего её поступить по его воле.

На губах Данте появилась едва заметная, удовлетворённая и победная улыбка. Он надел кольцо на её палец, и оно скользнуло настолько легко, словно было изготовлено специально для неё сотни лет назад и всё это время терпеливо ждало свою новую хозяйку.

Гостиную наполнили аплодисменты. Мать захлопала в ладоши, одновременно вытирая выступившие слёзы, а Витторио поднялся и впервые за весь вечер улыбнулся по-настоящему широко. Он обнял сына, крепко хлопнул его по плечу и с очевидной гордостью посмотрел на старинное кольцо рода, занявшее предназначенное ему место.

Антонио уже доставал самое дорогое вино из своих запасов, которое много лет хранил для особого случая. Он наполнил бокалы, и янтарные брызги сверкнули в свете камина, пока родственники передавали вино друг другу.

— Пусть отныне наши дома станут одним домом, — твёрдо и радостно произнёс Антонио.

Он чокнулся с Витторио, после чего двое старейшин обменялись долгими и понимающими взглядами людей, только что заключивших сделку, о которой оба мечтали.

Бьянка стояла рядом с Данте и чувствовала, как тяжесть этого вечера постепенно ложится ей на плечи. Она казалась невыносимой и вечной, словно вместе с кольцом ей вручили всю предстоящую жизнь, изменить которую уже невозможно.

— За союз Беллини и Моретти!

— За наше общее будущее!

— За процветание обеих семей!

— За наследников!

Бокалы сталкивались, вокруг звучали поздравления, а родственники уже обсуждали свадьбу, список гостей и место проведения банкета. Бьянка почти не слышала их голосов, поскольку продолжала смотреть на свою руку. Кольцо казалось невероятно тяжёлым, словно на палец ей надели не драгоценность, а крошечные кандалы.

Данте незаметно приблизился и наклонился к её уху так, чтобы никто из присутствующих не услышал следующих слов. Его губы почти коснулись её кожи, а тихий голос заставил Бьянку сильнее сжать пальцы.

— Ты действительно решила, что умнее меня? Думала, я не пойму, зачем ты разыграла весь этот спектакль? Какая же ты всё-таки наивная.

— Я ненавижу тебя, — прошипела она, продолжая улыбаться родственникам, чтобы никто не заметил происходящего между ними.

Уголок его губ едва заметно дрогнул.

— Прекрасно, потому что было бы гораздо хуже, если бы тебе было всё равно.

Бьянка резко подняла на него взгляд, не сразу поверив, что услышала правильно.

— Что за очередную чушь ты несёшь?

— Ненависть — тоже чувство, Бьянка, причём очень сильное, — произнёс Данте тихо, почти интимно. — Люди не тратят столько эмоций на тех, кто ничего для них не значит.

— Не льсти себе, потому что для меня ты не значишь ровным счётом ничего.

Данте чуть наклонил голову, рассматривая её с таким спокойным вниманием, словно уже видел все противоречия, которые она пыталась от него скрыть.

— Если бы я действительно был тебе безразличен, ты бы не злилась, не кричала и не придумывала детский план с болезнью. Ты постоянно со мной воюешь Бьянка.

Бьянка стиснула зубы, стараясь не выдать себя резким движением.

— Моё отношение к тебе от этого не изменилось.

— Тогда объясни, почему ты думаешь обо мне с утра до вечера.

Сердце предательски дрогнуло, потому что Данте оказался прав, и именно это злило сильнее всего. Бьянка ненавидела его настолько яростно, что он действительно присутствовал почти в каждой её мысли, даже когда его не было рядом.

Данте приблизился ещё немного, скрывая их разговор от остальных шумом поздравлений.

— Пока ты испытываешь ко мне хоть что-нибудь, мне совершенно не о чем беспокоиться, — проговорил он. — Безразличие, Бьянка, стало бы единственным, чего мне действительно следовало опасаться.

Его взгляд опустил на кольцо, сиявшее на её пальце, а затем снова поднялся к её лицу. В серых глазах Данте застыла спокойная, почти ледяная уверенность.

— Ты сама сказала «да», сама приняла это кольцо перед нашими семьями, поэтому запомни этот момент хорошенько.

Бьянка опустила взгляд, поскольку больше не могла выносить выражение его лица. Хуже всего было то, что формально он говорил правду: она действительно согласилась и произнесла нужное слово сама, хотя ни один человек в этой комнате не оставил ей настоящего выбора.

— Теперь ты официально моя невеста, — с удовлетворением продолжил Данте. — Ты носишь кольцо моего рода, совсем скоро моё имя станет твоим, а затем и ты сама станешь моей.

Он медленно провёл пальцами по её щеке, и от неожиданного прикосновения Бьянку бросило в дрожь, которую Данте наверняка почувствовал и запомнил.

— Знаешь, что нравится мне больше всего? — прошептал он.

Она промолчала, не желая доставлять ему удовольствие даже ответом.

— Ты до сих пор веришь, что способна всё изменить. Каждый день ты борешься, злишься, строишь новые планы и ищешь способ вырваться, а затем снова убеждаешь себя, что следующий обязательно сработает.

— Именно поэтому ты мне так нравишься.

Несколько секунд он молча смотрел на неё, спокойно и уверенно, словно уже знал, чем закончится их история, и заранее наслаждался финалом.

— Ты думаешь, что между нами идёт война, Бьянка, однако ошибаешься.

Его пальцы на мгновение коснулись кольца на её руке, подчёркивая смысл сказанного.

— В настоящей войне у обеих сторон должен быть шанс победить, а у тебя его никогда не было. Я уже сделал свой выбор и никогда не отказываюсь от того, что считаю своим.

Вокруг по-прежнему звучали тосты, поздравления, смех и радостные разговоры о будущем, а Бьянка продолжала смотреть на кольцо на своей руке, впервые до конца осознавая, что дороги назад, возможно, больше не существует.

Глава 5

После помолвки Данте словно исчез из её жизни, оставив вместо себя лишь кольцо, которое каждое утро первым попадалось Бьянке на глаза. Иногда ей казалось, что с каждым днём кольцо становится тяжелее, словно его отлили не из платины и драгоценных камней, а из железа. Бьянка с головой ушла в дипломную работу, сидела над материалами днём и ночью, иногда засыпала прямо за письменным столом, положив голову на раскрытую книгу. Через несколько часов просыпалась с затёкшей шеей, умывалась холодной водой, выпивала кофе и снова возвращалась к записям.

Тема оказалась настолько сложной, что научный руководитель несколько раз предлагал выбрать материал попроще, но Бьянка упёрлась и отказалась что-либо менять. Именно это ей сейчас и было нужно — отвлечься. Пока она разбирала арабскую вязь двенадцатого века, сверяла переводы, изучала почерки и пыталась установить датировку рукописей по особенностям переплёта, в её голове не оставалось места для будущего, которого она не выбирала.

— Беллини, вы понимаете, во что ввязались? — спросил профессор Риккардо Фонтана, сняв очки и устало потерев переносицу. — Для полноценного исследования вам необходим доступ к оригинальным арабским рукописям. Без них работа останется поверхностной: вы будете пересказывать чужие выводы вместо того, чтобы сделать собственные. А для серьёзной защиты этого недостаточно.

— Я работаю по фотографиям и цифровым копиям, — твёрдо ответила Бьянка. — Это далеко не идеальный вариант, однако каждую деталь я проверяю по нескольким источникам, сравниваю почерки, анализирую орнаменты и технику переплёта. Я понимаю ограничения материала и учитываю их в выводах.

Профессор Фонтана надел очки, снова снял их, протёр стёкла. Потом взял её черновики — листы, исписанные мелким, аккуратным почерком, с пометками на полях, с рисунками орнаментов, с переводами фрагментов. Он смотрел на них долго, перелистывая страницу за страницей, и на его лице постепенно появлялось уважение.

— Работа сильная, — сказал он наконец. — Очень сильная. Я вижу, сколько ты вложила в это, но если бы у вас был доступ к архиву Палермо, где хранятся оригиналы, это был бы лучший диплом на курсе. Может, даже за последние несколько лет.

Бьянка горько усмехнулась.

— Если бы у меня был доступ к архиву Палермо, я бы давно уже сидела там, но туда пускают только аккредитованных исследователей. Историков с рекомендациями, а я просто студентка.

Профессор покачал головой.

— Да, знаю. Это невозможно. И всё же Беллини, если бы вы могли найти способ попасть туда хотя бы на неделю, то работа стала бы прорывом.

В городе был один профессор, который имел доступ к архиву Палермо. Бьянка пыталась найти его, писала письма, звонила, но ей сказали, что он уехал преподавать в Лондон. Говорили, что он получил престижный грант и, скорее всего, останется там надолго.

Дни летели незаметно, а вечерами мать продолжала говорить о свадьбе.

— Бьянка, посмотри хотя бы на эти варианты, — просила она, раскладывая перед дочерью огромные каталоги, страницы которых были отмечены десятками тонких бумажных закладок. — Здесь шёлк, атлас, кружево ручной работы, а вот это платье от Милли Мариано, самого престижного свадебного дизайнера. Таких всего два в мире: одно уже уехало в Нью-Йорк, а второе находится здесь. Вся вышивка выполнена вручную, жемчуг пришит по одной бусине. Это даже не платье, а настоящее произведение искусства.

Мать перелистнула страницу и с нежностью провела пальцами по фотографии.

— Ты будешь в нём великолепна. Каждая девушка мечтает о таком платье, потому что это настоящая сказка. Помнишь, как в детстве ты примеряла мою фату и ходила в ней по дому? Теперь у тебя будет своя.

Бьянка не поднимала головы, продолжая смотреть в раскрытый учебник и делая вид, что внимательно читает. Мать всё равно не сдавалась, придвигала стул ближе и с горящими глазами рассказывала о банкетных залах, которые уже успела посмотреть.

Один находился на берегу и открывал панорамный вид на море. Второй располагался в старинной вилле с фресками на потолке и широкой мраморной лестницей, по которой невеста могла спуститься под звуки арфы. Третий зал находился в настоящем замке, окружённом старым парком, с каменными сводами, высокими окнами и тяжёлыми канделябрами. Мать обсуждала каждую деталь с таким удовольствием, будто организация свадьбы стала главным событием её собственной жизни.

— Посмотри, какой здесь зал, — восторженно говорила она, показывая очередное видео на телефоне. — Представь: закат, ты стоишь у окна, ветер развевает фату, а за твоей спиной море.

Не получив ответа, она тут же открывала следующую фотографию и снова подносила телефон почти к лицу дочери.

— Здесь на территории есть небольшая каменная часовня, поэтому церемонию можно провести прямо в ней. Я думаю, мы украсим всё живыми цветами: пионами, розами и эвкалиптом, а вечером зажжём тысячи свечей. Бьянка, это будет самое красивое событие в нашей жизни.

— Мне всё равно, мама, поэтому выбирай сама, — всё резче отвечала Бьянка. — Мне ничего из этого не нужно, и я уже говорила тебе об этом.

— Как тебе может быть всё равно, если это твоя свадьба? Ты должна участвовать, выбирать и постепенно принять то, что происходит. Поверь, однажды ты будешь вспоминать этот день и показывать свадебные фотографии своим детям. Неужели тебе действительно безразлично, какими они будут?

— У меня диплом, и сейчас меня волнует только он.

— До свадьбы осталось полтора месяца, дочка, поэтому откладывать решения уже некуда.

— Именно поэтому я должна закончить диплом как можно скорее.

Эта фраза стала её универсальным ответом. Бьянка повторяла её настолько часто, что мать в конце концов начинала вздыхать, собирать каталоги и отступать. На самом деле дело заключалось не только в учёбе, просто Бьянка не хотела выбирать цветы для собственной казни и представлять себя в белом платье, идущей под венец к человеку, который её не любил, а решил забрать лишь потому, что мог себе это позволить.

Ночами становилось гораздо тяжелее. Бьянка лежала в темноте, смотрела в потолок и чувствовала, как кольцо давит на палец, хотя понимала, что это ощущение существует лишь в её голове. Мысли путались, переплетались в бесконечный клубок и не давали уснуть. Стоило закрыть глаза, как перед ней появлялось лицо Данте: холодные серые глаза, которые не давали ей покоя. В памяти снова звучал его шёпот у самого уха: «Ты станешь моей», и внутри всё сжималось от бессилия, потому что она по-прежнему не знала, как выбраться из клетки, которую он вокруг неё строил.

После этого мысли неизменно возвращались к Марко, появляясь внезапно и причиняя тупую, ноющую боль, которая становилась особенно невыносимой в ночной тишине. Бьянка убеждала себя что он сделал свой выбор и выбрал не её, а значит, теперь его необходимо забыть, вычеркнуть и стереть из собственной жизни. Разум повторял это совершенно ясно, только сердце отказывалось слушаться.

Марко был её первой любовью, она вспоминала обещания всегда быть рядом, а вместе с ними ту себя, которая ещё верила, что любовь способна оказаться сильнее всех препятствий.

В одну из таких ночей Бьянка всё-таки не выдержала. Она взяла телефон, открыла контакт Марко, возле имени которого по-прежнему стояло маленькое сердечко, и долго держала палец над кнопкой «Разблокировать». В голове один за другим появлялись вопросы, на которые она отчаянно хотела получить ответ. Возможно, он всё это время пытался написать, звонил и искал её, а блокировка не позволяла сообщениям дойти. Возможно, Марко тоже не смог забыть.

Бьянка нажала на кнопку, и яркий свет экрана осветил её лицо в тёмной комнате. Пальцы на несколько мгновений замерли над клавиатурой, хотя решение уже было принято.

«Ты хоть иногда думаешь обо мне?» — набрала она дрожащими пальцами.

Сердце колотилось настолько сильно, что ей казалось, будто его удары услышит весь дом. Бьянка отправила сообщение и замерла, не выпуская телефон из рук.

Через несколько минут под её словами появилась надпись «Прочитано», после чего не произошло ничего. Она ждала час, затем второй, продолжая смотреть на экран и вздрагивать

от каждого постороннего звука, однако телефон оставался тёмным. В конце концов Бьянка уснула, сжимая его в руке, словно ответ ещё мог прийти и изменить произошедшее.

Утром она открыла глаза и первым делом схватила телефон. Экран оказался пустым, ни одного сообщения или пропущенного звонка не было, и тогда внутри неё поднялась такая сильная злость на себя, собственную слабость и унижительную надежду, что захотелось швырнуть телефон в стену.

— Какая же ты дура, — прошептала Бьянка в пустоту. — Зачем ты это сделала?

Она открыла настройки и снова заблокировала Марко, на этот раз не оставляя себе права передумать. Ответом стало его молчание, и больше никаких объяснений ей не требовалось.

Дни летели незаметно, и вскоре наступил последний экзамен. Он оказался самым сложным за всё время обучения, потому что профессор Сальваторе, как обычно, задавал вопросы, далеко выходявшие за рамки программы. Устная часть длилась почти сорок минут, а Бьянка продолжала отвечать даже в те моменты, когда от напряжения начинал дрожать голос. Профессор внимательно слушал, иногда кивал и задавал уточняющие вопросы, не позволяя ей ни на мгновение расслабиться.

Когда всё закончилось, он ещё некоторое время молча смотрел на неё поверх очков, постукивая ручкой по столу.

— Беллини, вы знаете, насколько я требователен и как редко хвалю студентов, особенно во время экзамена, — наконец произнёс он. — Ваш подход к материалу действительно редкий, поэтому примите мои искренние поздравления.

Бьянка вышла из аудитории на ватных ногах и сразу увидела Софи, которая ждала её в коридоре, сияя от радости.

— Всё закончилось, мы свободны! — закричала Софи и бросилась к ней.

Бьянка крепко обняла подругу, чувствуя, как напряжение последних недель наконец ослабевает.

— До защиты диплома, — со смехом напомнила она.

— По сравнению с Сальваторе защита уже кажется мелочью, — отмахнулась Софи.

К ним подошла Катрина, всё ещё не верившая, что экзамен остался позади.

— Честно говоря, я была уверена, что Сальваторе устроит нам настоящий ад. Теперь даже странно, что всё оказалось не настолько страшно.

— Я тоже ожидала худшего, — призналась Бьянка.

В следующую секунду позади раздался знакомый голос Паоло:

— Ну что, красавицы, вы ещё дышите? Я сдал, и профессор даже сказал, что из меня, возможно, когда-нибудь выйдет толк.

Он положил руки на плечи Бьянки и Софи и сгрёб обеих в крепкие объятия, широко улыбаясь.

— Теперь мы точно едва дышим, — рассмеялась Бьянка, пытаясь высвободиться.

— Я до сих пор не верю, что мы сделали это, потому что перед экзаменом уже мысленно прощался с жизнью, — заявил Паоло. — Сейчас нам необходимо напиться так, чтобы профессор Сальваторе больше никогда не появлялся в наших кошмарах. Я слышал, что два коктейля по цене одного лечат любые экзаменационные травмы, а три дарят вечную молодость и гарантируют сны только о море и пальмах. Я даже знаю место, где нам выпишут это лекарство, поэтому кто со мной?

Идею тут же поддержали остальные, а Софи достала телефон, чтобы позвать Андреа и Филиппо.

— Самое главное, — продолжил Паоло, торжественно подняв указательный палец, — если завтра у нас будет болеть голова, никто не называет это похмельем. Наши организмы просто слишком бурно радуются свободе, поэтому мы обязаны выпить за здоровье.

Все засмеялись, потому что после пережитого экзамена его предложение действительно казалось идеальным.

— Вот она, настоящая свобода, — мечтательно произнесла Катрина. — Осталось защитить диплом, после чего я улечу путешествовать на всё лето. Только я, море и много секса без всяких учебников и экзаменов.

— Катрина, ты действительно способна думать только об одном, — рассмеялась Бьянка, качая головой.

— Разумеется, потому что диплом почти закончен, мозг переполнен знаниями, а личная жизнь всё это время стояла на месте, — невозмутимо ответила Катрина.

— Я в любом случае за, — объявила Бьянка. — Хочу напиться и хотя бы на один вечер обо всём забыть.

— Вот теперь я узнаю правильный настрой, — одобрительно отозвался Паоло.

Они направились к выходу из университета, продолжая обсуждать предстоящий вечер. София уже звонила в клуб, чтобы забронировать столик, а Бьянка призналась, что ей срочно требуется много коктейлей, поскольку после экзамена до сих пор дрожат ноги.

Они почти вышли на улицу, когда возле тротуара остановился знакомый чёрный автомобиль. Улыбка мгновенно исчезла с лица Бьянки, а радость, которой она только что позволила себе насладиться, сменилась тяжёлым предчувствием.

Из машины вышел один из людей Данте и направился прямо к ней.

— Синьорина Беллини.

— Я никуда не поеду, — сразу ответила она, даже не позволив ему продолжить.

— Синьор Моретти распорядился доставить вас домой.

— Передайте синьору Моретти, что я сказала «нет».

Охранник попытался снова к ней обратиться, однако Бьянка повысила голос и отчеканила каждое слово:

— Я не собираюсь повторять дважды.

Все её друзья замолчали, а София растерянно смотрела то на Бьянку, то на незнакомого мужчину. Паоло шагнул вперёд, положил руку ей на плечо и обратился к охраннику:

— Она ясно сказала, что никуда не поедет, поэтому, возможно, вам стоит отойти.

Охранник аккуратно, но настойчиво убрал его руку с плеча Бьянки. В этом движении не было открытой агрессии, однако оно прозвучало яснее любой угрозы: разговор закончился, и шутить никто не собирается.

— Не трогайте его! — закричала Бьянка. — Паоло не имеет ко всему этому никакого отношения.

Она размахнулась и изо всех сил ударила охранника кулаком по плечу. Он почти не пошевелился, только слегка отстранился и спокойно убрал её руку.

— Мне двадцать два года, я только что сдала последний экзамен и имею право отметить это со своими друзьями, — прошипела она, сверкая глазами.

— Мне приказано отвезти вас домой, синьорина.

— Тогда можете отправляться к чёрту вместе с приказами Моретти

Между ними повисла неловкая тишина. Друзья переглядывались, не понимая, стоит ли вмешиваться, а охранник сохранял непроницаемое выражение лица.

— Ваш отец также уведомлён, — ровно добавил он. — Он согласился с решением синьора Моретти и просил вас не задерживаться, а сразу ехать домой.

Эти слова ударили гораздо сильнее любого приказа, потому что означали только одно: отец снова встал на сторону Данте. Он даже не позвонил дочери, не спросил, чего хочет она, и не попытался выяснить, почему этот вечер для неё так важен, а просто позволил другому мужчине распоряжаться её жизнью.

Бьянка резко развернулась и направилась к машине. Ей хотелось плакать, кричать и разбить что-нибудь, однако под взглядами друзей она молча села в салон и захлопнула дверь с такой силой, что задрожали стёкла.

Автомобиль тронулся, а она ещё несколько минут сидела неподвижно, чувствуя, как внутри закипает обида.

— Ублюдок, — прошептала Бьянка сквозь зубы, глядя в окно. — Какой же ты всё-таки урод.

Когда машина свернула на центральную улицу, сдерживаться стало невозможно.

— Я ненавижу тебя! — закричала она, ударив кулаком по сиденью. — Ненавижу!

Бьянка била кулаком по сиденью.

— Ненавижу... ненавижу вас всех! — выкрикнула она, захлёбываясь слезами.

Слёзы текли по её щекам, а всхлипы перемешивались со злостью и обидой. Так она пыталась выплеснуть всё, что накопилось внутри: ярость, бессилие и боль.

Наконец Бьянка выдохнула и закрыла глаза, стараясь успокоиться.

— Давай, Бьянка... успокойся, — прошептала она себе.

Она несколько раз глубоко вдохнула, пока дыхание постепенно не выровнялось. Этот ублюдок не увидит её слёз и не получит ещё одного доказательства своей победы.

Бьянка вытерла лицо тыльной стороной ладони и тут заметила на сидение бежевый конверт, она не сразу его заметила потому что из-за цвета он почти сливался со светлой кожаной обивкой.

Она нахмурилась и открыла конверт. Внутри находилось несколько документов, Бьянка достала их и сразу не поверила своим глазам: на одном из листов стоял официальный бланк архива Палермо.

Перед ней лежало официальное разрешение на работу в архивном фонде Палермо.

«Бьянка Беллини допущена к работе с материалами Архивного фонда Палермо: редкими арабскими рукописями XII века, собранием восточных манускриптов, каталогами частных коллекций, а также оригиналами документов по реставрации и палеографии. Допуск предоставлен сроком на один месяц с правом посещения в рабочие часы архива. Ответственное лицо — профессор Де Лука, руководитель отдела восточных рукописей».

Внизу стояли подписи, регистрационный номер, дата, настоящий герб архива и несколько печатей. Бьянка перечитала документ ещё раз, затем перевернула лист, изучила приложения и снова вернулась к первой странице. Всё выглядело подлинным, официальным и совершенно невозможным.

Она месяцами пыталась добиться хотя бы ответа, тогда как Данте каким-то образом не просто связался с нужными людьми, а убедил профессора Де Луку взять ответственность за студентку и предоставить ей доступ к материалам, которые почти никому не показывали. Бьянка не понимала, каким образом он обошёл бюрократические препятствия и сколько людей заставил согласиться, хотя прекрасно знала, что слово «невозможно» для Данте обычно означало лишь цену, которую предстояло заплатить.

Всю оставшуюся дорогу она сидела молча, держа документы на коленях и не понимая, что именно чувствует. Благодарность была бы предательством по отношению к самой себе, злость уже не казалась достаточно простой, а раздражение становилось сильнее с каждой минутой.

Человек, которого она ненавидела сделал то, чего она не могла добиться месяцами.

Когда машина остановилась возле дома, Бьянка вышла и почти бегом поднялась в свою комнату. Мать заметила её в коридоре и тут же последовала за ней.

— Бьянка, подожди, я хочу тебе кое-что показать!

Едва дочь вошла в комнату, мать протянула ей плотную карточку.

— Посмотри на приглашения. Я уже заказала двести штук, хотя думаю, что гостей окажется больше. Отец собирается пригласить клан Барберини и семью Галло. Здесь золотое тиснение и такая изысканная бумага, они получились просто изумительными.

Бьянка мельком посмотрела на приглашение. Оно было выполнено на плотном кремовом картоне с тонкой фактурой льна, а фамильные гербы Беллини и Моретти, переплетённые между собой, блестели золотым тиснением. Посередине изящными буквами были выведены их имена:

«Данте Моретти и Бьянка Беллини имеют удовольствие пригласить Вас на церемонию венчания, которая состоится в Tonnara di Scopello 21 июля в 15:00».

Внизу мелким шрифтом значилось:

«Присутствие каждого гостя станет для наших семей большой честью».

Бьянку словно бросило в жар, потому что дата мгновенно врезалась в память. Всё выглядело так, будто двое влюблённых сами выбрали друг друга и с нетерпением ждали дня, когда смогут обменяться клятвами.

Для церемонии мать выбрала Tonnara di Scopello, одно из самых красивых мест Италии, где древние каменные стены возвышались над бирюзовым морем, отвесные скалы уходили в воду, а закат окрашивал всё побережье золотом. Для гостей эта свадьба станет прекрасной историей любви, которую ещё много лет будут вспоминать на семейных ужинах.

— Тебе нравится? — с надеждой спросила мать.

— Не сейчас, мама, — резко ответила Бьянка и закрыла дверь прямо перед её лицом, не дожидаясь продолжения разговора.

Двадцать первое июля. Теперь у её будущего появилась точная дата, и от этого оно стало ещё реальнее.

Бьянка медленно подошла к кровати, села и подтянула колени к груди. Некоторое время она смотрела в одну точку, после чего снова достала документы из конверта и провела пальцами по плотной бумаге. Ещё неделю назад о таком разрешении она могла лишь мечтать, а теперь держала его в руках и не знала, имеет ли право радоваться.

Взгляд невольно переместился к прикроватной тумбочке и остановился на ящике, который она с силой захлопнула месяц назад. Бьянка долго смотрела на него, а затем всё-таки открыла.

Редкая книга по реставрации старинных рукописей лежала там, где она её оставила. Бьянка осторожно взяла её и машинально вдохнула знакомый запах старой бумаги, кожи и выцветших чернил.

Ещё недавно одна мысль о том, чтобы прикоснуться к его подарку, казалась предательством самой себя. Теперь перед Бьянкой лежало разрешение на работу в архиве, а в руках она держала книгу, напрямую связанную со всем, чему хотела посвятить жизнь, и прежняя уверенность начинала рассыпаться.

Бьянка не обязана была отказываться от того, что любила, только потому, что нужную дверь открыл человек, которого она ненавидела. Эти рукописи были созданы задолго до рождения Данте, а архив будет существовать и после него. Он мог получить разрешение, однако не мог присвоить себе её знания, работу и интерес к прошлому.

— Он сделал это не ради тебя, Бьянка, — тихо сказала она себе. — Ему просто захотелось ещё раз показать, насколько далеко простирается его власть.

Она посмотрела на разрешение, затем на книгу и почувствовала, как внутри появляется упрямое спокойствие.

— Иди к чёрту, Данте Моретти. Это слишком низкая плата за мою жизнь.

Приняв это решение, Бьянка наконец открыла книгу. Через несколько страниц она погрузилась в чтение настолько глубоко, что перестала замечать время и подняла голову лишь тогда, когда за окнами давно ступила ночь.

Следующие недели пролетели стремительно. Архив, диплом, новые материалы, бесконечные правки и последние консультации заняли всё её время. Бьянка работала почти одержимо, спала по четыре часа, выпивала слишком много кофе и проводила дни среди старых рукописей, пока наконец не настал день защиты.

В аудитории стояла напряжённая тишина, когда председатель комиссии объявлял результаты. Услышав своё имя, Бьянка несколько секунд сидела неподвижно, не веря собственным ушам, а затем смысл слов достиг сознания, и на её лице появилась настоящая улыбка, которой никто не видел уже много месяцев.

Она защитилась блестяще и получила самый высокий балл.

Профессор Грасси, крайне редко хваливший студентов, поднялся со своего места и посмотрел на неё поверх очков.

— Беллини, то, что вы сделали с этим материалом, редко встречается даже среди аспирантов. Уровень анализа, работа с оригиналами и ваши собственные выводы заслуживают особого внимания. Это было великолепно, поэтому я искренне снимаю перед вами шляпу.

Бьянка почти не помнила, как вышла из аудитории. Ноги несли её сами, голова кружилась от счастья, а внутри разрасталось непривычное чувство лёгкости, словно с плеч наконец сняли огромный груз.

В коридоре Бьянку уже ждали Софи, Паоло и Андреа, которые сразу бросились к ней и обняли настолько крепко, что она чуть не задохнулась.

— Ты настоящий чёртов ботаник! — закричала Софи, не разжимая объятий.

— Беллини, ты просто чудовище от науки, — восхищённо добавил Паоло. — Грасси никогда никого не хвалит, а ты едва не заставила его расплакаться.

— До слёз дело не дошло, — рассмеялась Бьянка, ощущая, как тепло разливается в груди. — Хотя, возможно, он действительно был близок.

Паоло обнял её за плечи и торжественно напомнил:

— Ты помнишь о нашей договорённости? После вручения дипломов и всех официальных речей мы устраиваем настоящий выпускной: музыка, танцы, свобода и никакие «может быть» или «я ещё подумаю» не принимаются. Ты обязана быть там, потому что этот день мы действительно не забудем. Я уже чувствую, как он пахнет свободой. Мы будем танцевать, пока не отвалятся ноги, пить до самого утра, а затем встретим рассвет на набережной и наконец поймём, что сделали это. Вечер будет легендарным, Бьянка, и я отказываюсь принимать любые возражения.

Софи осторожно заглянула ей в глаза.

— Ты действительно придёшь или снова возникнут обстоятельства, о которых нельзя спрашивать?

Бьянка крепко обняла подругу и рассмеялась.

— Ты шутишь? Я ни за что не пропущу этот вечер. Мы будем пить, танцевать и делать всё, что захотим.

Она произнесла это уверенно, потому что уже знала: выпускной станет не просто встречей с друзьями, а её собственным праздником и хотя бы одной ночью настоящей свободы. Данте не запретит ей, не остановит и не испортит этот день, поскольку к тому моменту Бьянка уже придумала целый план.

Последние недели она играла свою роль без единой ошибки. Бьянка перестала спорить с родителями и больше не огрызалась, когда мать заводила разговор о свадьбе. Со стороны казалось, что девушка смирилась с неизбежным, и эта перемена заметно обрадовала всю семью.

В перерывах между подготовкой к защите Бьянка терпеливо выслушивала рассуждения матери и даже согласилась примерить платье о котором та говорила с таким восторгом. Стоя перед зеркалом в белом шёлке, Бьянка сохраняла идеальную спокойную улыбку, хотя внутри всё сжималось от отвращения при мысли, что совсем скоро придётся надеть его перед сотнями гостей.

Даже отец постепенно перестал смотреть на дочь с настороженностью и всё чаще улыбался за семейными ужинами.

— Видишь, какая красивая получится свадьба, — говорил он с явным облегчением. — Мама всё замечательно организовала, а я с самого начала знал, что со временем ты поймёшь, насколько этот союз важен. Сейчас я смотрю на тебя и вижу, что ты наконец успокоилась.

Бьянка улыбалась и молча кивала, позволяя ему верить в собственную правоту. Она хотела, чтобы родители перестали ждать подвоха, расслабились и впервые за долгое время поверили ей, потому что только тогда план мог сработать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.